

Диана Рымарь

Большой секрет Анаит

«Литнет»

2021

Рымарь Д.

Большой секрет Анаит / Д. Рымарь — «Литнет», 2021

Я нашел ее случайно. Ту, из-за любви к которой меня в восемнадцать чуть не убили. Я неделями корчился от боли, а она даже в больницу ко мне ни разу не пришла. Вот и вся любовь. Десять лет спустя я случайно увидел ее на улице. Пошел следом, узнал, где работала. Дальше дело техники – устроился в ту же фирму, настоял на том, чтобы она стала моим секретарем. Мысленно дал себе на месть полгода. Обаять, влюбить так, чтобы жить без меня не смогла. Потом бросить, да пожестче. Хочу, чтобы ей было больнее, чем мне тогда со сломанными ребрами одному в больнице. Не благородно, зато честно. ♥#♥#♥#Однотомник, ХЭ

© Рымарь Д., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1. Большой секрет	5
Глава 2. Семейный ужин	8
Глава 3. Как воспитываются послушные дочери	12
Глава 4. Стратег от бога	14
Глава 5. Отец Анаит	16
Глава 6. Брат Анаит	19
Глава 7. Димка Соболь	22
Глава 8. Первый школьный день	25
Глава 9. Черно-белая жизнь	28
Глава 10. Экскурсия в новую жизнь	31
Глава 11. Вкус Анаит	33
Глава 12. Тяжелые санки	37
Глава 13. Укротительница стаи	40
Глава 14. Герой любовник	42
Глава 15. Мужские обиды №1	44
Глава 16. Мужские обиды №2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Большой секрет

*Подлость всегда останется подлостью,
сколько бы ты ни пытался замазать ее белой краской.*

Диана Рымарь

Часть 1. Прошлые обиды

Глава 1. Большой секрет

— Как вы посмели меня предать?! — разбушевался шеф, едва вошел в приемную.

Анаит так и замерла на месте с занесенными над клавиатурой пальцами. Совершенно не поняла, что нашло на вежливого и даже обходительного толстяка. Артур Арамович Качканян, конечно, слыл в компании редкостным самодуром. Но раньше ничего подобного по отношению к ней себе не позволял. Слово-то какое высокопарное выбрал — «предать»!..

— Сидит тут, ресницами хлопает! — меж тем продолжал шеф, ловя своей лысиной блики утреннего солнца. — Зарплату ей побольше захотелось, видите ли... Захожу я в отдел кадров чайку глотнуть с Флорой Павловной, что она мне заявляет?

— Что? — спросила Анаит, подняв левую бровь.

— Что мой секретарь, оказывается, подала заявку на перевод в рекламный отдел...

Ах, вот как она его предала! До Анаит наконец дошло, в чем дело. О, она бы с превеликим удовольствием «предала» его раньше, да не получалось.

Может, продолжила бы работать на него и дальше, да вот только Качканян мало того что самодур, так в последнее время еще и смотреть начал на нее недвусмысленно.

Смотреть, кстати, было на что.

Фигура Анаит отвечала стандартам стройности. Лицо, опять же, удалось, как мама говорила. Симметричное, с маленьким носом, пухлыми губами, высокими скулами. Глаза большие, насыщенно карие. Прическа — идеальная ракушка, в которую она который год умудрялась завернуть свои пушистые шоколадные локоны. Да, может, и не голливудская красotka, но очень и очень симпатичная.

Имелся и еще один крайне неприятный фактор: Артур Арамович был женат на жутко ревнивой стерве. В общем, если сложить его скверный характер, скромную зарплату, приперчить это все поползновениями и намеками, украсить сверху склочной женой, получался рецепт блюда под названием «Пора искать другое место».

— Думаете, я вам не найду замену? — все бушевал шеф. — Да я пальцем щелкну, и возле моей приемной соберется десяток квалифицированных секретарей!

— Но подождите, я подавала заявку два месяца назад, и мне отказали.

— Радуйтесь, милочка, вас взяли, — надменным тоном проговорил будущий бывший шеф. — Ишь ты, место она решила сменить. И это перед самой проверкой. А мне что делать в ближайшие дни? Вон из моей приемной, и чтобы духу вашего тут не было! Только предварительно составьте инструкцию для нового секретаря, конечно же. Во всех подробностях. И если вы думаете, что я вас хоть когда-то приму обратно... То нет, не приму!

Анаит не помнила себя от счастья, поднимаясь на лифте на восьмой этаж. Как же ей надоел бывший шеф с его закидонами. Пусть теперь варится в собственном соку, а у нее впереди другая жизнь.

Она держала в руках коробку с нехитрыми пожитками. Кружка с сердечком, именной степлер, документы да золоченая фоторамка. Пожалуй, фоторамкой она дорожила больше всего — подарок дочки с ее же фото.

Она теперь будет работать в рекламном! Как же здорово.

Станет личной помощницей главы отдела. А что, Анаит вполне потянет. Она уже несколько лет служила в компании «Алинван». Высшее образование имеется.

На самом деле Анаит пыталась попасть на восьмой этаж, в рекламный отдел, уже целых два года. Подавала заявки, искала выходы и нужные связи. Очень хотелось зарплату повыше и возможность карьерного роста, а главное — ипотеку, которую сможет себе позволить, когда получит новую должность. Уж очень надоело мыкаться с дочкой по съемным квартирам. Любая мать-одиночка поймет ее желание.

Но местечки в рекламном были настолько «теплыми», что распределялись исключительно среди своих. И пусть она тоже не с улицы, до нее очередь никогда не доходила. А тут такая должность и ей! Удивительно.

— Здравствуйте, вы Анаит Мариян? — поприветствовала ее у лифта служащая в темно-синем брючном костюме. — Меня зовут Светлана, я координирую работу рекламного отдела. Пройдемте со мной, я покажу ваше рабочее место.

Анаит проследовала за координатором, втайне любясь ее светлыми кудрями. До чего красивы.

Пока шли по коридору, она поражалась тому, насколько тут все другое в сравнении с третьим этажом, где работала раньше. Просторно, шумно, на стенах в коридоре висят удачные примеры рекламных плакатов в рамках. Видимо, для вдохновения. Восьмой этаж жил совсем другой жизнью, здесь пахло креативом.

Одухотворенная, Анаит спешила за Светланой. Однако встала как вкопанная возле таблички «Глава рекламного отдела, Дмитрий Егорович Соболев».

Нервно сглотнула, круглыми глазами посмотрела на координатора.

— Но подождите, глава отдела — Ерошкин, разве нет?

— Ушел на повышение. — Светлана со значением ткнула указательным пальцем вверх, видимо, имея в виду девятый этаж, где трудилось руководство компании «Алинван». — А чем вам не угодил Дмитрий Егорович? Знаете его?

Нет, Дмитрия Егоровича она не знала. А вот с одним Димкой Соболевым ей довелось когда-то сидеть за соседними партами.

«Ани, я тебя больше жизни люблю!» — до сих пор иногда звенел в ушах его вкрадчивый голос.

«Смотри, дрянь такая, что твой уголовник сделал! Грязь! Разврат!» — голос отца также до сих пор звенел в ушах.

И болел нос. Когда все вскрылось, отец взял ее за затылок и, как нашкодившего котенка, со всей дури впечатал носом в экран лежавшего на столе гаджета. А потом еще раз. И еще.

Все начиналось так невинно...

Как и множество молодых девушек, Анаит влюбилась в школе в хулигана. Отпетого и жутко обаятельного.

«Тюрьма по нему плачет», — говорили многие.

Но Анаит считала, что они ее Диму просто не знают. И вообще он самый замечательный. Верила в это вплоть до того момента, за который ей было стыдно до сих пор.

Друг сердца выложил ее интимные фото в интернет. Будто этого ему было мало, еще и видео разместил, где она позволяла ему себя трогать и... От воспоминаний спина до сих пор покрывалась потом, а щеки горели стыдом.

Так в восемнадцать Анаит оказалась опозоренной на весь белый свет. Урок всем девочкам — никогда не разрешайте парням делать интимные снимки. Зачем Дима это сделал, она так и не поняла. Покрасоваться, что переспал с ней? Не иначе. Он получил моральное удовольствие, а она — сломанную жизнь. Потом годами эту жизнь чинила — до сих пор чинила, на самом деле.

Но то было давно, хоть и не забыть. Да и не мог бывший одноклассник Димка Соболев вдруг оказаться главой отдела крупной торговой фирмы. Куда ему? Скорей всего, спился или скололся, стопроцентно остался в том маленьком городке, откуда выжил Анаит. Хоть и собирався поступать в какой-то там университет, вряд ли у него вышло.

— Нет, что вы, я не знакома с Дмитрием Егоровичем, — наконец ответила она Светлане.

— Очень хороший специалист! Нам повезло, что он присоединился к нашей команде. Запросил именно вас, когда ему показали кандидатуры. Видно, что-то в вашем резюме его особенно привлекло.

— Спасибо, — нервно улыбнулась Анаит, а в груди кольнуло новым сомнением.

Светлана проводила ее на рабочее место, сказала ознакомиться с инструкциями, оставленными для нее прошлым секретарем.

— Дмитрий Егорович появится чуть позже, — кивнула на прощание Светлана и удалилась.

Осмотрев приемную, Анаит оказалась очень довольна. Пустовата, зато просторная, светлая. Отделанная в бежевых тонах, она радовала глаз новой мебелью. Вон какой замечательный белый стол у нее теперь будет! А на нем качественный большой монитор, тоже белый. Кофеварка в углу новая, большая, сверкающая хромом. Отлично, не придется давиться растворимым кофе.

Она села за свой новый стол, спрятала кружку с сердечком в шкафчик. Фоторамку с улыбающимся лицом дочки поставила возле монитора. Любила на нее периодически смотреть — вдохновлялась и отдыхала, разглядывая дорогие сердцу черты.

Инструкции нашлись в компьютере, прямо на рабочем столе. Анаит принялась внимательно их изучать. Вздрыгнула, услышав звук открываемой двери.

В буквальном смысле остолбенела, когда увидела, кто вошел.

Нет, нет, это определенно был не хулиган Димка Соболев.

Это была его повзрослевшая версия из параллельной реальности. В приемной показался статный мужчина с широкими плечами. Мускулистый, с крепкими руками и шеей. Одет в строгий костюм-двойку темно-серого цвета. Прическа идеально уложена — волосок к волоску. Сколько же он извел геля? Черные туфли начищены до блеска, это вам не драные кеды, которые он носил в школе. На запястье часы стоимостью в несколько ее зарплат. Откуда взял?

Ни дать ни взять Дмитрий Егорович.

Анаит узнала его с трудом, но все же узнала. По насмешливому взгляду светло-карих глаз, по грубой форме губ, квадратному подбородку. Это был именно ее одноклассник, тот самый хулиган, перевоплотившийся в делового человека.

Ее лицо вытянулось, сердце забилося, как у самого испуганного на свете зайца.

В мозг прокралась трусливая мыслишка: «Может, спрятаться под стол?»

А Соболев, кажется, был рад ее видеть! Тоже сразу узнал, подошел к ее столу с белозубой улыбкой, развел руки в стороны и добродушно проговорил:

— Привет, Ани, как дела? Очень рад тебя видеть.

Вместо того чтобы поздороваться с шефом, Анаит дернулась к портрету дочери и быстро положила его лицом вниз. Нельзя ему видеть Нану, иначе сразу поймет: она его дочь.

Глава 2. Семейный ужин

Двенадцать лет назад

Анаит украшала косы черными лентами, всматривалась в свое отражение. Под глазами залегли синяки — все из-за почти бессонной ночи, которая прошла в пути.

Ее привезли в отчий дом ранним утром вместе со скудным набором вещей, и до ужина отдохнуть не было возможности. Еще не успела освоиться на новом месте. Очень обрадовалась, что в доме отца для нее нашлась отдельная комната, пусть и небольшая — в дальнем углу дома, неподалеку от кухни.

Малышка сроду не жила в такой роскоши, а тут и собственная кровать с удобным матрасом и пушистым розовым покрывалом, и шкаф с зеркалом во весь рост, и стол со светильником.

Дом отца показался ей огромным в сравнении с хибаркой, где они жили с бабушкой. В последний раз Анаит была здесь в семь лет, когда мама еще была жива. После ее смерти папа отправил малышку к бабушке на воспитание. Та жила в маленькой деревушке близ Адлера с остальной немногочисленной семьей почившей родительницы.

Недавно и бабушка скончалась. Анаит перешла на попечение двоюродной тетки, которой и без племянницы тяжело жилось.

Однако, когда Анаит стукнуло шестнадцать, отец неожиданно решил ее забрать.

«Оставшиеся два года доучишься в местной школе, а там устрою твою судьбу», — так он сказал, забирая ее у тети.

Анаит обрадовалась. Все что угодно лучше, чем жить нахлебницей в доме, где тебе не рады. Моментально простила отцу годы полнейшего безразличия, вспылала к нему любовью и уважением. Он привез ее обратно в родной городок. А когда одарил подарками, девочка вообще почувствовала себя на седьмом небе.

— Тук-тук, — раздалось из-за двери.

Анаит вздрогнула, резко обернулась.

Отец не дождался ее ответа, сразу зашел в комнату. В отличие от Анаит, он был бодр и свеж, будто не отмотал множество километров на своей новой машине. Его грузную фигуру облегла белая рубашка и идеально выглаженные черные брюки.

— Как ты, дочка? Готова к встрече гостя? Сегодня у нас особый ужин.

Ах да, какой-то особый гость.

— Готова, папа, — кивнула она, опуская взгляд в пол.

Вроде бы немного попривыкла к громоподобному голосу родителя, но до сих пор пробирал до мурашек. Все время казалось, будто напакостила, как неразумный котенок или щенок.

— А я вижу, что не готова, — зацокал он языком, когда как следует ее разглядел. — Ты что напаялила?

Анаит опешила от такого резкого возгласа. Осмотрела себя и не поняла, к чему относилось замечание родителя. В прохладный сентябрьский вечер надела коричневое платье и серую вязаную кофту.

— Плохо? — тихонько спросила Анаит, уставившись на отца круглыми глазами.

— Конечно плохо! Что за вязаная хламида на тебе?

— Эту кофту мне вязала бабушка, — ответила она, одернув любимую вещь. — Память...

— Какая память? Я купил тебе платье, надень его. Новую кофту купим завтра, пока так походишь. И не вздумай поверх платья эту напяливать, а то выглядишь как нищенка подзаборная. Распусти волосы, что ты с этими косами, как деревня... Еще ленты эти черные...

— Это в честь бабушки. Траур... — попыталась пояснить Анаит.

— Снимай, — хмуро покачал головой отец. — И не смей пререкаться, ты должна быть послушной. Я твой отец.

— Да, папа, — ответила Анаит, громко сглотнув.

Когда отец ушел, Анаит посмотрела на себя в зеркало, пытаясь понять, чем же вызвала гнев отца. Кофта новая, и она очень старалась ее не занашивать, надевала только по особым случаям. Да и платье совсем не как у подзаборной нищенки.

Обида все же проявила себя выступившей на глазах влагой. Но Анаит задушила ее в зародыше, смахнула слезы, проглотила непрощенный ком, застрявший в горле. Разве можно злиться на отца за то, что он хотел, чтобы дочь достойно выглядела? Нельзя.

Достала купленное им платье и охнула — как осмелиться его надеть? Белое как молоко, нежное как лебяжий пух.

Все же пересилила себя, облачилась в новое. Село как влитое, но уж слишком облегало верх, Анаит не привыкла к такому. Ее грудь в этом платье показалась на размер больше, будто она уже взрослая женщина, а не шестнадцатилетняя девушка. И длина у платья не самая удачная — всего до колена. Показывать ноги она не привыкла. Уместно ли это? Тем более при важном госте?

Однако послушаться отца Анаит не решилась. Переодевшись, распустила густые локоны, тщательно расчесалась. Потом заколола волосы возле уха блестящей заколкой, подаренной к новому платью, и вышла в коридор.

Ужинали в столовой, куда Анаит и направилась.

Отец очень обрадовался ее приходу. Он уже сидел с гостем за щедро накрытым столом. Одобрительно кивнул, когда она появилась.

— Проходи, дочка, — сказал ей и махнул рукой в сторону гостя: — Это Ваграм Айказович, мой давний друг и партнер по бизнесу.

Анаит почтительно кивнула и растянула губы в улыбке.

Высокий худощавый мужчина погладил черную бородку и уставился на Анаит внимательным взглядом. Его карие глаза светились довольством. Однако что-то в выражении лица Ваграма Айказовича ей не понравилось. Гость своим взглядом будто делал замеры ее фигуры. Осмотрел каждую часть ее тела и, кажется, даже одобрил.

Она приглянулась ему? Да как же можно? Ей шестнадцать, ему на вид лет сорок, не меньше, может даже ровесник отца, а тому сорок пять. Она для него — ребенок. Думать о подобном интересе со стороны мужчины в годах — грех и глупость, и Анаит не уронит честь отца подобными неразумными мыслями в отношении его друга.

— Ну? Как тебе моя дочь? — тем временем продолжал отец.

— Гораздо краше, чем на фото...

Папа показывал другу ее фото? Это очень удивило Анаит. Значит, помнил про нее все эти годы? Может быть, даже гордился ею? Эта мысль очень ободрила ее и подняла настроение.

— Какое платье красивое у тебя, Анаит. В белом ты как невеста, — меж тем продолжал гость. — Хотя тебе рано, конечно.

— Присаживайся, дочка, поешь с нами. — Отец указал на место по правую сторону от себя.

— А Багиш не будет ужинать? — спросила она, вспомнив о своем единокровном брате, который жил с отцом.

— Багиш ушел к друзьям, — ответил он, затем повернулся к гостю и как бы извиняющимся тоном произнес: — Молодость, вспомни, когда нам было по двадцать пять, как ему теперь...

Гость мечтательно кивнул.

Анаит же выдохнула с облегчением. Конечно же, это грех — не любить старшего члена семьи, да еще и брата, пусть только по отцу. Но уж очень он показался ей строгим. Еще в

раннем детстве только и делал, что шпынял ее, маленькую. Ведь ради ее матери отец бросил его мать, хотя и взял сына на воспитание. Рядом с ним она всегда чувствовала себя чуточку виноватой.

— Ешь, ешь, дочка, — улыбался отец.

Она тихонько уселась на место, предназначенное ей. Осмотрела богатый стол, и у нее тут же потекли слюнки. Чего только тут не было! Шашлык, кюфта, долма, овощи, зелень, лаваш.

Все приготовлено Кариной, женщиной, которая помогала отцу по хозяйству.

Положив себе на тарелку немного долмы и овощей, Анаит принялась осторожно есть. Очень старалась, чтобы ее движения не казались неряшливыми или некультурными. Но вскоре кусок в горло перестал лезть.

Отец зачем-то продолжал нахваливать ее гостю, причем в таких выражениях, что ей оставалось только краснеть.

— Моя дочь настоящая умелица и красавица. Не слишком умна, как и положено женщине.

— А зачем женщине ум? — усмехнулся Ваграм Айказович. — В женщине важны совсем другие качества...

— Вот и я говорю, — кивнул отец. — Не слишком умная...

Анаит так и не поняла, почему отец записал ее в дебилки. Он ее дневник хоть раз видел? Там же одни пятерки. У нее природная грамотность, наверное потому что любила читать. Перечитала почти все книги из местной библиотеки, а она была достаточно богата. И почему неумной быть хорошо? Она всегда считала, что наоборот. Спорить не стала, разумеется. Кто же спорит с отцом, тем более за столом и при госте?

Чуть погодя, родитель наконец сменил пластинку.

— Обаятельная девушка, скажи, Ваграм? К тому же обучена хозяйству в старых традициях.

— В старых традициях? — тут же заинтересовался гость. — И какие же в вашей семье традиции?

— Самые благопристойные, — заверил его отец.

Они выпили по рюмочке, а потом внимательно посмотрели на Анаит.

— Ты пробовала спиртное? — обратился к ней гость.

— Не пробовала, — пожала плечами она. — Бабушка не позволяла.

— Это хорошо, это правильно, — кивнул он. — А с мальчиками ты дружила?

Анаит опешила от такого вопроса, не нашла, что ответить.

За нее ответил отец.

— О, я гарантирую, моя дочь до брака ни с кем не вступит в половую связь! — при этом он поднял указательный палец и потряс им — видно, для большей убедительности.

Анаит же в этот момент почувствовала себя так, будто ей плеснули в лицо кипятком. Щеки загорелись с такой силой, что хотелось приложить к ним лед. Большого стыда она в жизни не испытывала.

Мужчины продолжали между собой говорить так, будто это в порядке вещей обсуждать ее личную жизнь.

— Рад это слышать, — с важным видом кивал Ваграм Айказович. — А то нравы нынче не те...

— Под этой крышей нравы как раз те! — продолжал трясти указательным пальцем отец. — Я ни за что не позволю, чтобы моя дочь, моя кровиночка, якшалась с какими-то там. В строгости буду держать!

С этими словами отец сжал кулак и с прищуром посмотрел на дочь.

Тут-то ей стало совсем нехорошо.

Крохотный кусочек долмы, которую Анаит успела съесть, будто прожигал желудок, про-
сился обратно.

Зачем? Анаит всерьез не понимала, ну вот зачем отец стал обсуждать ее девственность с
совершенно незнакомым мужчиной? От стыда и волнения ее в буквальном смысле затошнило.
Даже испугалась, что не справится с собой и ее стошнит прямо за столом.

— Извините, — с трудом выдавила она.

И бросилась вон.

Глава 3. Как воспитываются послушные дочери

Анаит долго умывалась в ванной, приводила себя в порядок. Холодная вода помогла остудить разгоряченные щеки. Однако развидеть ухмыляющиеся лица отца и его друга, когда они обсуждали ее невинность, ей так и не удалось.

Стыд по-прежнему душил. Хотелось забраться под кровать и никогда-никогда не вылезать.

Но Анаит ведь уже не маленькая девочка, чтобы лазать под кроватями, тем более ей не хотелось портить такое красивое платье. Она просто вернулась в свою комнату, села на стул в углу и постаралась сделаться невидимой.

Впрочем, невидимкой ей стать так и не удалось. Очень скоро в комнату вошел отец и тут же начал выражать недовольство:

— Где это видано, чтобы без разрешения убегали из-за стола? Анаит, я же предупредил тебя, что будет важный гость. Ты зачем меня позоришь глупым поведением?

Она подскочила с места, встала перед ним, опустив голову, и проямлила:

— Я... я...

— Что ты скажешь в свое оправдание? — Отец подошел к ней почти вплотную.

— Мне стало плохо, — наконец закончила она предложение.

— Вранье! — Он упер руки в боки и, казалось, еще больше над ней навис. — Ты просто хотела выставить меня в нехорошем свете. Показала, что я дочь родную не могу достойно воспитать...

— Папа, клянусь! Я не хотела выставлять тебя ни в каком свете! Просто перенервничала, вот и все...

— И с чего тебе нервничать? — насупил брови он. — Я ее в красивую комнату поселил, подарки купил, с достойным человеком познакомил, ужином вкусным накормить хотел, а она... Ты неблагодарная. Я очень тобой недоволен.

От его последних слов Анаит затрясло. Решила сказать как есть:

— Просто мне стало очень неловко от того, что вы меня так открыто обсуждали...

Однако понимания в лице отца не нашла. Он лишь еще сильнее насупился.

— И что? Ты моя дочь, и я смело могу обсуждать все, что тебя касается.

Больше ей сказать было нечего.

Зато у отца нашлось еще много разных слов:

— Ты должна беспрекословно мне подчиняться. Это твоя главная обязанность — чтить волю родителя. Если я сказал сидеть за ужином, значит, ты должна сидеть. Я ведь не требую многого, Анаит. Учти, нарушишь правила этого дома, и моментально отправишься обратно к тетке. Ты этого хочешь, а?

На секунду Анаит представила круглое лицо тети Гаяне, обрамленное серыми из-за обилия седины волосами. Ее поджатые губы и укоризненный взгляд... Так она смотрела на Анаит, когда та перешагнула порог ее дома с маленькой сумкой, где хранилась ее одежда. У нее поджилки тряслись, когда заходила к тете, да и потом ситуация не улучшилась.

Как же сильно она обрадовалась, когда за ней приехал отец. Это было так невероятно и прекрасно, что поначалу даже не поверила своим глазам. Подумала — нужна ему, соскучился, любит. А теперь получалось, хотел отправить обратно. Не пригодилась, плохая.

Слезы выступили у нее на глазах, губы затряслись. Стало так обидно, что хоть кричи. Анаит прикусила щеку изнутри, чтобы не разрыдаться тут же.

Однако ее нервное состояние не укрылось от отца. Он прищурился и процедил сквозь зубы:

— Это что еще такое? Если надеешься разжалобить меня слезами, не выйдет. Отправлю к тетке, так и знай!

— Получается... получается... — тихо бубнила она и никак не могла закончить предложение.

— Прекрати мямлить, скажи нормально, — потребовал он, строго на нее смотря.

— Ты меня совсем не любишь, да? — тихонько спросила Анаит.

Отец повел бровью, внимательно на нее посмотрел и зацокал языком:

— Ну конечно я люблю тебя, глупая. Ты же моя дочь. Но учти, мое хорошее к тебе отношение продолжается только пока ты слушаешься. Любовь родителя нужно уметь заслужить. Любят только хороших девочек.

— Не отправляй меня обратно к тетке! — вдруг выкрикнула Анаит, сама поразившись собственной смелости.

— Так ты слушайся, и не отправлю, — развел руками отец.

— Я буду! — Анаит сложила ладони в молитвенном жесте. — Буду слушаться!

Она станет очень хорошей девочкой, и отец всегда будет ее любить.

Глава 4. Стратег от бога

Ваграм приметил Анаит, когда та заходила в булочную.

Прелесть маленького городка — все как на ладони. Проезжал мимо на своем новом джипе цвета мокрый асфальт и углядел знакомую фигурку.

Пасмурным сентябрьским днем одетая в скромное коричневое платье да серую кофту, Анаит все равно казалась ему краше любой принцессы. И эти косы с черными лентами... Было в девчонке нечто совершенно особенное.

Ваграм затормозил, припарковался чуть сбоку от булочной. Вышел из машины, принялся ждать красавицу.

Ему понравилась вчерашняя встреча с ней на ужине. Знакомство прошло намного лучше, чем он рассчитывал. Друг не соврал — его дочь действительно оказалась послушной и правильной девушкой.

Ваграм как увидел ее на фото, так и не смог забыть. Вгляделся в бездонные карие глаза и пропал, только о ней и думал последний месяц. Заочно посватался, и Ашот Мариян согласился отдать за него свою дочь при условии, что тот простит ему давний долг. Какие долги могут быть между родственниками?

Друг останется при деньгах, а у Ваграма появится молодая жена — все в выигрыше.

Жаль, жениться на Анаит прямо сегодня Ваграм не мог. Невеста еще не выросла. Пусть повзрослеет, подрастет, наберется мудрости, окончит школу, а там уж и замуж не грех.

Однако в эти два года перед Ваграмом стояла серьезная задача — дать Анаит к себе привыкнуть. Пусть проникнется к нему, перестанет бояться, уважает. Ему необходимо наладить с невестой контакт, иначе после первой брачной ночи еще долго будет чувствовать себя насильником. Так уже было с его третьей женой, и повторения он не хотел. Молодые девственницы отличаются редкой пугливостью. А то, что он женится на дочери друга и возьмет в постель, как только малышке исполнится восемнадцать, — это без сомнений.

Он бы и вовсе не беспокоился о ее чувствах, если бы планировал только койку. Однако Анаит — дочь друга и партнера, поэтому он возьмет ее в жены.

Четвертая жена уж точно последняя. За плечами три развода, больше такого он не хотел. Пусть эта молодая, чистая девочка будет ему усладой в оставшиеся годы. Наконец, родит ему сыновей и сделает счастливым. Вот такую важную миссию он хотел возложить на юные плечи Анаит.

Разница в возрасте у них, конечно, велика — двадцать четыре года. Ему сорок, он уже не мальчик, а она еще так юна... Но если вдуматься в эти цифры, то ничего кошмарного в них не было. Это не тридцать лет, и тем более не пятьдесят. История знает множество браков с гораздо большей разницей.

— Анаит, милая, здравствуй! — подошел к ней Ваграм с широкой улыбкой.

Юная пташка встрепенулась, резко к нему обернулась и застыла.

Ваграм с неудовольствием отметил в ее глазах страх. От этого точно нужно избавляться. И он избавится проверенным способом.

— Здравствуйте, Ваграм Айказович, — проговорила она, спрятав взгляд за густыми ресницами.

— Называй меня лучше дядя Ваграм, — продолжил он с улыбкой. — Я знаю, у тебя недавно был день рождения. Хочу подарить подарок.

После таких слов он ожидал, что Анаит поднимет на него счастливый взгляд. Но нет, будущая невеста только еще больше занервничала.

— Мой день рождения был больше двух месяцев назад... — тихонько уточнила она.

— Я ж и говорю — недавно! — развел он руками. — Два месяца это разве срок? Это тьфу, а не срок. Пойдем, я отвезу тебя в свой магазин, выберешь, что захочешь.

Пусть Анаит сразу знает, что Ваграм — мужчина небедный. Он не только владел магазином игрушек вместе с ее отцом, но также имел собственное дело, гораздо более выгодное.

Будущая невеста продолжала упираться, но Ваграм не сдавался. Чуть ли не силком затащил ее в машину. Положил пакет с хлебом на заднее сидение и привез прелестницу в магазин. Двухэтажное помещение выглядело очень внушительно. Первый этаж занимал отдел, где продавали сотовые телефоны.

— Я хочу, чтобы ты выбрала себе самый лучший телефон, — проговорил он и широким жестом руки показал на стену, сплошь увешанную дорогими смартфонами.

— Что вы? — округлила глаза малышка. — Я не могу, это слишком...

— Я спросил разрешения у твоего отца, — кивнул Ваграм. — Он разрешил. Выбирай.

Ваграм отметил, с каким благоговением Анаит посмотрела на экраны мобильных телефонов. Потом взглянула на цены, охнула и пошла к дальнему углу, где находились самые недорогие из новых моделей.

— Нет, так дело не пойдет, — покачал головой Ваграм.

Он щелкнул пальцами, и перед ним возник консультант.

— Подбери смартфон для девушки. Самый хороший выбери и запиши на мой счет.

Очень скоро Ваграм выводил из магазина красную от смущения Анаит, и она при этом прижимала к груди белую коробку с подаренным телефоном.

Щедрый даритель был очень доволен собой, ведь порадовал будущую невесту и заработал себе кучу плюсов. При этом даже немного сэкономил, поскольку наученный им же консультант выбрал для девушки непопулярную модель, которую вряд ли кто-то купил бы ввиду дороговизны и устаревших параметров. Впрочем, для Анаит сгодится как нельзя лучше — ей любое за счастье.

Ваграм отвез малышку домой, а потом набрал номер ее отца:

— Я встретил твою дочь, сделал ей небольшой презент, не удивляйся.

— Надеюсь, Анаит вела себя достойно?

— О да, вполне. Только меня немного смутил ее внешний вид. По-моему, ей надо поменять гардероб.

— Я уже купил ей новое платье, — хмыкнул друг. — На праздниках будет как принцесса.

— Она всегда должна быть как принцесса, — заметил Ваграм, недобро цокнув языком.

— Зачем ей хорошо одеваться каждый день? — раздался в трубке недовольный голос Ашота. — Баловать женщину нарядами — только портить.

— Анаит — моя будущая невеста, я лицо заинтересованное. Пусть будет одета с иголочки. Если надо, я оплачу...

— Что ты, что ты! Обидеть меня хочешь? Что я собственную дочь не одену, что ли...

Ваграм знал, что платить ему не придется. Поэтому так и сказал, и теперь не смог сдерживать довольной улыбки. Все же он стратег от бога.

Пусть Анаит привыкает к хорошему, потом не захочет от этого отказываться. Побегит за Ваграма замуж, никуда не денется. А то, что он на двадцать четыре года старше, — это мелочи.

Глава 5. Отец Анаит

Ашот Аветович Мариян считал себя добрым, честным и справедливым человеком.

Он любил детей. Всех без исключения. Маленьких, больших, здоровых, больных, красивых и откровенно страшных. Эта любовь воспитывалась в нем с детства, диктовалась национальными традициями.

Как можно не любить детей? Это дикость!

Но боже дай ему сил, как же он ненавидел Анаит.

Приехав с работы, Ашот некоторое время наблюдал, как паршивка помогала Карине в огороде. Его тучная домработница любила ковыряться в земле, хотя у самой огорода не было. Завяжет на голове платок, напялит старую куртку и штаны и идет копать в грязи, даже в такой пасмурный день, как сегодня. Вот и теперь она там, еще и Анаит за собой потащила.

Эти двое улыбались, о чем-то беседовали. А он даже предположить не мог, о чем можно говорить с шестнадцатилетней паршивкой? Там же ум с горошину. Домработница ей улыбалась, будто дорогой душе. Не знала, с кем общалась, какая гадина ей помогала.

Гадина и есть.

Ашота каждый раз аж передергивало, когда она подходила к нему еще несмышленной малышкой, тянула руки для объятий, пухлые губы для поцелуев. Так и хотелось повернуть ее от себя да придать ускорение отменным шлепком по круглой заднице. Он не бил ее, нет. Это было бы заметно, и ее мать никогда не простила бы ему этого. Ашот предпочитал действовать более тонко — делал вид, что не замечал так ненавидимого им ребенка.

А все потому, что она не его.

Не его дочь.

Жена его. Любимая, самая милая. А дочь — не его.

Ашот очень любил Сирануш, мать Анаит. Ради нее ушел из первой семьи, оставил без матери своего сына Багиша. Переругался со всей семьей, лишился первого бизнеса, все послал к чертям. Ухаживал за девчонкой полгода. Под ручку с ней ходил, к постели не склонял — ждал, сделал предложение. Она его даже приняла, родители сговорились. Но...

В итоге Сирануш взяла и убежала с каким-то певцом-прощельгой. Сходила на концерт, пробралась с подружками за кулисы. Там ее этот гад и приметил.

Неудивительно, что приметил. Красивая была девка — рослая, с крепкой грудью, шоколадными кудрями до задницы, большими карими глазами. Только смотреть на нее — уже радость.

Любовь у нее случилась большая...

А у него разве маленькая к ней была любовь? Он же из-за нее считай от всего отказался.

Усвистала в дальние дали, а он остался в родном городке со смятым в лепешку сердцем и разрушенной жизнью.

Через год Ашот поехал в Краснодар за товаром для нового магазина и встретил ее с грудничком в очереди за хлебом. Издалека подметил — одета в какое-то старье.

Пересилил гордость, подошел, спросил, как дела, а она расплакалась. Искренне так, по-девичьи, как только она умела наверное.

Оказалось, этот прощельга на ней так и не женился. Узнал, что забеременела, и бросил. А Сирануш постыдилась возвращаться к родителям, тем более что те после позорного бегства дочери переехали к дальним родственникам в Адлер. Она осталась в большом городе, пыталась пробиться сама. Но в девяностые молодой девушке можно было пробиться разве что передком, а она так не хотела. Да и куда ей с малышкой.

Жила впроголодь, подрабатывала продавщицей на рынке.

В общем, Ашот ее послушал-послушал, а уже через час они возвращались в родной город вместе. Шестидесяти минут вполне хватило на сборы ее немногочисленных пожитков. А деньги, которые отложил на товар, все до копейки спустил на любимую. Все, что было нужно, ей купил. И дочке. Потом ходил побирался по друзьям, чтобы наскрести нужную сумму на дело.

Сирануш его широкий жест оценила и больше не дурила. Как миленькая пошла замуж, стала вести себя тише воды, ниже травы. Сидела дома, вела хозяйство, баловала домашней едой и заботой, старалась изо всех сил. А он старался для нее. И любил.

Любил...

Если бы еще не ее нагулянная дочь, его счастье стало бы полным. Но дочь была и портила счастье, а других детей любимая ему так и не родила. Что-то у нее там по женской части нарушилось во время родов.

Ашот думал, так и проживут без детей. Багиш есть, Анаит есть, им хватит.

Как же сильно он обожал супругу... и наверняка обожал бы еще сильнее, знай он, что на семейное счастье им отведено жалких семь лет.

Сирануш никогда не жаловалась на здоровье, а однажды вечером он нашел ее лежащей без сознания в огороде.

Повез в больницу проверяться. Оказалось — рак, да в такой запущенной стадии, что врачи ей дали всего два месяца и ни днем больше. Сирануш прожила три, если то время вообще можно назвать жизнью. Истаяла, как и не было. Но подарок оставила — нелюбимую дочь, на которую Ашот после смерти жены даже смотреть не мог.

Пропосту не понимал, почему мать Анаит ушла, а паршивая девка осталась. На ней же родовой грех! Если кому и было уходить, так ей. Но нет, маленькая дрянь лучилась здоровьем, которое отняла у матери самым фактом своего рождения. Хорошела с каждым годом и все больше была на Сирануш похожа. Этим еще сильнее бесила.

Никто так и не сказал Анаит, что Ашот не ее биологический родитель. Зачем девчонке это знание? Пусть скажет спасибо, что он признал ее, не оставил безотцовщиной, что у нее есть фамилия и отчество.

Однако после того как рак сожрал любимую женщину, Ашот не смог больше заботиться об Анаит. Еще, главное, наглая такая! Ныла все время, ночами спать не давала, хотела, чтобы он ее успокаивал, какой-то там темноты боялась. Он ей клоун, что ли? Развлекать да нянчиться. Семь лет — взрослая уже.

Тогда он отослал маленькую дрянь к родственникам почившей жены и, по сути, навсегда от нее открестился.

Однако теперь пришло время Анаит вернуться. Пусть хоть чем-то оплатит ему за проявленную доброту, за хлеб и соль. Он даст ей образование, позаботится. Но...

Но мил он с ней быть не должен. Она должна знать, каким жестоким мог быть этот мир. Вдруг да и не совершит ошибку матери, не пойдет на поводу у глупых чувств да построит свое счастье с Ваграмом. Хороший человек, состоятельный.

— Анаит, иди сюда! — наконец позвал ее Ашот.

Девчонка вздрогнула от его резкого тона, тут же рванулась к нему, подошла, обожгла душу взглядом почти черных глаз.

«До чего ж на Сирануш похожа...» — в который раз отметил он про себя.

И злость за то, что Анаит жива, в отличие от ее матери, снова начала душить. Надо же, девять лет прошло, а ему все еще больно.

— Да, папа? — резанула она его своим вопросом.

— Ты почему Ваграму жаловалась на свой гардероб? — прорычал он гораздо резче, чем собирался.

Анаит застыла, захлопала ресницами, а потом попыталась отрицать очевидное:

— Я ни слова про такое не сказала...

— Да как ты смеешь мне врать, маленькая дрянь! — заорал он. — Ты не понимаешь, что позоришь меня своими бреднями? Ты перед другом меня жмотом выставила! Да как у тебя только язык повернулся жаловаться?

— Я не жаловалась, — тихо пискнула она.

— Заткнись! — закричал он так резко, что с губ слетели капли слюны.

После уже не сдерживался. Все ей припомнил: и неуклюжесть, и глупость, и никчемность.

Под конец его речи глаза паршивки блестели от слез.

— Завтра мы пойдем и купим тебе новые вещи, — наконец сжалился он.

— Мне не надо, папа, — прошептала она, смахивая со щеки влагу.

И так искренне это сказала, что защемило сердце. Ашот, может, даже поверил бы, не знай он, какой лживой бывает женская натура.

— Я сказал, поедem! Но ты мне все отработаешь до последнего рубля! Все, что я на тебя потрачу. Будешь вместо Карины теперь ежедневно драить пол и помогать ей на кухне да в огороде. И если я услышу на тебя хоть одну жалобу... клянусь, отправлю к тетке обратно!

На этом он развернулся и зашагал прочь.

Ашот Аветович Мариян считал себя добрым, честным и справедливым человеком. Для тех, кто этого заслужил. Анаит не заслужила.

Глава 6. Брат Анаит

Багиш Мариян с детства терпеть не мог Анаит. Бесила она его, раздражала неимоверно. Он ее прогонял, а маленькое недоразумение хотело с ним играть.

— Блааатик, давай веселиться! — говорила она, подходя к нему со своими игрушками.

Братик был на девять лет старше, поэтому чужд забав малышни.

А еще мать Багиша рассказала ему всю правду об Анаит и ее матери. Малышка — нагулыш без роду и племени. Как с такой можно жить и играть?

Думал, брезгливость и ненависть распространятся и на взрослую жизнь. Очень не обрадовался, когда отец поехал за сестрой. Но... Но!

Девять лет назад родитель увез маленькую страшную скелетину, а привез красавицу, от которой невозможно отвести взгляда.

Багиш никогда не видел таких ярких девушек, как его сводная сестра.

Вот и сегодня за завтраком он не в собственную тарелку пялился, а на Анаит. Та тихонько ела свой омлет, ни на отца, ни на брата не смотрела. А Багиш буквально не мог оторвать глаз. Все искал в ее лице изъяны, да так и не нашел, таким совершенным оно ему казалось.

Эта традиция совместных завтраков в столовой за круглым столом уже стала изрядно напрягать.

Отец зачем-то приодел сестрицу во все новое, модное. Вот и сегодня малышка сидела в черной юбке до колена, подчеркивающей стройность талии, да белой блузке, удачно облегающей то, что Багишу так хотелось потрогать. Ее грудь, плечи, худой живот. Ее всю!

Однако прошлые обиды маленькая нахалка ему, похоже, не простила. Старалась с ним в общение не вступать, держалась подальше.

А Багишу хотелось общаться.

Общаться, целоваться, стать ее первым мужчиной. Последовательность можно поменять.

Ну и что, что сестра. Сводные же. К тому же об этом не обязательно кому-то знать.

Багиш парень симпатичный, стройный, в меру мускулистый, целых метр восемьдесят пять ростом. Опять же, лицо привлекательное, если не обращать внимания на орлиный нос — фирменную семейную черту, которой у сестры не было.

— Пап, я могу отвезти Анаит в школу, — решил на действия Багиш. — У нее же сегодня первый день, так?

Подметил, как девчонка вся напряглась, подобралась, навестила уши.

Отец благосклонно кивнул:

— Вези, все мне меньше мороки. Ты ж там учился, объясни ей, где что.

Довольный донельзя Багиш посмотрел на Анаит победным взглядом.

А та округлила глаза и тихо пискнула:

— Не надо утруждаться, я уже узнала, где школа, дойду сама, справлюсь.

Ну нет, он не позволит ей отвернуться.

— Да ты что, сестричка, какие хлопоты. Я отвезу тебя, не парься.

Очень уж он хотел пусть ненадолго, но остаться с ней наедине. А в своей машине еще и сподручнее.

После завтрака Багиш ждал ее на улице. Даже переднюю дверь для нее открыл, с удовольствием наблюдая за тем, как ее очаровательная задница приземлилась на пассажирское сидение его нового белого седана.

До обидного быстро домчали. Но к первому уроку еще рано, поэтому Багиш показательно запер двери на замок.

— Ты чего от меня бегаешь? — спросил он напрямую, повернувшись к ней.

Анаит тут же вжалась в кресло, округлила глаза, прямо как сегодня утром.

Ух, он бы ее сейчас... Нравилось ему, как она пугалась. Впрочем, улыбнись она, тоже наверняка пришел бы в восторг.

Наконец дождался от нее тихого ответа:

— Я не бегаю...

— Бегаешь, бегаешь. Только ты учти, сестри-и-ичка, — он намеренно выделил это слово. — Со мной лучше дружить, если хочешь спокойной жизни. Ты меня поняла?

— Как дружить? — вдруг прилетел вопрос.

— Главным образом слушаться, — ответил он с улыбкой. — Как думаешь, справишься?

Видел, что она тряслась как осиновый лист. Чувал ее желание поскорее сбежать из машины и наслаждался даримыми ею эмоциями. Еще никогда ему не было так сладко кого-то подводить к черте.

— Я и так слушаюсь, — ответила она, нервно сглотнув.

— Это хорошо, — кивнул он.

Рука сама потянулась к ее коленке. Он бы и рад пока не трогать Анаит, дать ей время к себе привыкнуть. Но треклятая конечность прямо физически притягивалась к очаровательной девичьей ноге.

Схватил, да сразу крепко, чтобы не могла убрать руку.

— Отпусти! — взвизгнула Анаит.

Видимо, вспомнила их старую игру. Когда он хватал ее с силой за мягкую часть бедра и изображал крепкими мальчишескими пальцами укус лошади. Одного-двух укусов хватало, чтобы девчонка долго к нему не подходила. Теперь же больно делать не собирался. Но, похоже, у девчонки хорошая память.

— Да тихо ты, не обижу! — проговорил, наклоняясь к ней.

Хотел просто поцеловать в щеку. Честно-честно, только в щеку.

И натолкнулся на нешуточное сопротивление. Она уперлась руками ему в грудь и пропищала:

— Ты же брат мне! Пусти! Фу...

Это ее «фу» очень его покорило. Значит, он для нее «фу»?! А потом до Багиша и дошло, что малышку никто за девять лет так и не просветил насчет ее происхождения. Считает его единокровным братом? Это действительно было бы «фу-у-у». Но общей крови-то у них ни грамма.

Отпустил, открыл дверь машины.

Анаит пулей вылетела, усвистала в школу, только пятки сверкали.

А Багиш порулил домой, разговаривать серьезные разговоры с отцом.

Родитель нашелся в кабинете. Сидел за столом, разбирал какие-то бумаги. На сына даже не посмотрел, лишь буркнул:

— Чего тебе, Багиш?

— Пап, а почему ты не сказал Анаит, что мы с ней сводные, а не единокровные брат и сестра?

Отец тут же оторвал взгляд от бумаг и устремил его на сына.

— Я надеюсь, ты не стал ее просвещать? — спросил он резким тоном.

— Нет, решил сначала спросить, почему ты этого не делаешь.

— Закрой дверь и присядь... — потребовал отец.

Багиш вспомнил, что домработница любила подслушивать, тут же запер дверь, потом прошел к столу, уселся напротив родителя.

— Объясни толком, почему такой интерес к Анаит? — Отец буравил его серьезным взглядом.

— Ну... — и Багиш подвис.

Очевидно же, почему, и в то же время говорить такое отцу как-то неприлично. Решил мягко намекнуть.

— Она красивая.

— Что с того, что она красивая? — нахмурил брови родитель. — Ты ее в постель уложить собрался, что ли? Багиш, ей шестнадцать! Девочка еще!

— Ой, па, ну что ты как из девятнадцатого века...

Думал, отец будет понятливее. Но нет, тот словно выпил таблетку «Агрессин», аж покраснел весь и включил диктатора:

— Ты не станешь с ней спать. Больше того, ты ее вообще трогать не будешь никак. И просвещать ее о том, кто ее биологический отец, тоже не станешь.

— Почему?

Отец шумно вздохнул, а потом ответил:

— Она выйдет замуж за Ваграма, когда закончит школу. Он ее уже посватал.

У Багиша внутри аж все опустилось. За что этому старперу такое пирожное, как Анаит? Оно должно ему достаться, а не какому-то там престарелому богатею. Пусть бы женился на женщинах своего возраста.

— Отец, это дичь какая-то... — тут же буркнул он обиженно. — Двадцать первый век на дворе, а вы тут договорные свадьбы устраиваете.

— А не дичь, что я взрослому двадцатипятилетнему лбу машину купил? Сам бы мог заработать, но нет, к отцу побежал. Не дичь, скажи мне? Ваграм мне за такую невесту долг простит, про который тебе прекрасно известно. Все очень серьезно, Багиш. Не трогай Анаит.

— Ну а если она не согласится? — развел руками он. — Возьмет и влюбится в кого-то другого...

Тут Багиш себя, конечно, имел в виду, но отец отрезал и эту нить.

— Анаит все сделает, как я скажу, поскольку воспитана чтить волю отца. Именно поэтому я не буду ей говорить о том, что не являюсь ее биологическим родителем. И заранее о помолвке мы ей тоже говорить не будем, чтобы, не дай бог, не взбрыкнула. Стукнет восемнадцать, введем в курс дела. Согласится как миленькая. А у тебя задача важная.

— Какая? — спросил Багиш, хотя и понимал, что ответ ему не понравится.

— Следи, чтобы никого у нее не было, — хмуро проговорил отец. — Хорошо следи, иначе не только машину у тебя заберу, но и на отдельный дом можешь не рассчитывать. Справки наведи, ты молодой, знакомых куча. Пусть никто не смеет к ней приближаться.

Багиш выходил из кабинета отца смурной, как самая темная ночь.

Это что же получалось, не видать ему Анаит как своих ушей?

Он очень не любил ущемлять своих желаний. Кредо у него такое — брать, что хотел. И он возьмет... когда-нибудь.

Как настоящий охотник выждет время, поймает дичь. Даже если ловить придется после ее свадьбы.

Глава 7. Димка Соболев

Наше время

— Ани, привет, — повторил Дима, разведя руки.

Очень старался, чтобы его голос звучал приветливо. Ведь он — рубаха парень, очень добрый и обаятельный, а вовсе не двинутый на Анаит псих. Нет, нет. Об этой его ипостаси ей лучше не знать.

Дима взгляделся в ее лицо, не понимая, почему не отвечала. Не узнала? Но он же по глазам видел — узнала, еще как. Вон как задергалось левое веко, будто ее ударило током. Определенно узнала.

Он наслаждался реакцией своего секретаря, ее нервным дыханием, бледным видом. Жадно поедал взглядом ее миловидное лицо, за десять лет несколько не подурневшее. Наоборот, Анаит умудрилась стать краше. Хотя куда краше? В школе только на нее и пялился. Впрочем, даже годы спустя не вышло забыть.

Что-то особенное было в этой девчонке. Ее будто не на этой планете сделали, впихнули какой-то секретный элемент, настроенный на привлечение Димы Соболева. Снабдили самым соблазнительным на свете ароматом, самыми сахарными губами и выжигающими душу глазами.

Вдруг Дима заметил, как рука Анаит метнулась к какой-то золоченой рамке, опустила фотографию вниз.

— Ты что-то прячешь? — спросил он, приподняв левую бровь.

— Нет! — взвизгнула Анаит, округлив глаза.

Слишком явное отрицание. Что же там за фото такое? Он должен знать.

Дима поспешил к столу, потянулся к рамке, но Анаит перехватила ее и спрятала в сумку. Прячала так быстро, будто это как минимум корпоративный секрет, как максимум — правительственный.

— Что ты скрываешь? — усмехнулся Дима.

— Там просто котик в неприличной позе... коллеги подшутили... — нервно хихикнула Анаит, чем окончательно ввела его в замешательство.

Какой котик? Какие коллеги? Она же только-только устроилась на восьмой этаж, секретарем в его приемную, рановато для шуток любого рода.

Нахалка тем временем подхватила свою сумочку, вышла из-за стола и как ни в чем не бывало обронила:

— Ну... я пойду?

И не моргнув глазом пошла к выходу.

— Куда ты собралась? — не понял Дима.

Он демонстративно загородил собой выход.

— Боже, Дима, ну неужели ты и вправду думаешь, что я буду на тебя работать? — пожала она плечами.

— Еще как будешь, — уверенно кивнул он. — Ани, милая, я тебя никуда не отпущу.

Сказал и сполна наслаждался бурной реакцией. В этой девчонке будто смешались огонь и лед. Она то краснела, стоя перед ним с сумкой наизготовку, то бледнела, пыхла как вскипающий чайник. И чем больше эмоций отражалось на ее лице, тем сильнее распалялся он сам.

Шутка ли — первая встреча лицом к лицу за десять лет. И какая встреча!

Дима миллион раз представлял себе, как это произойдет, и все равно в реальности оказалось в разы слаще. В груди колело, в голове шумело, губы горели.

Он слишком долго о ней мечтал, и теперь так просто ни за что не отпустит Анаит.

«Так... я в офисе, надо держать себя в руках...» — напомнил он себе.

Дорогого стоило оставаться на расстоянии.

А так хотелось схватить эту маленькую дрянь за шкирку и оттащить в свой кабинет.

Там, кстати, обалденная звукоизоляция. Видно, его предшественник постарался.

В своем кабинете он бы содрал с Анаит этот ее офисный наряд а-ля «хорошая девочка» и с удовольствием взял то, зачем вообще ее нанял. Взял столько раз, насколько хватило бы сил.

Двенадцать лет назад

Димка Соболев хозяйским взглядом осматривал школьный двор.

Ничего не могло укрыться от его глаз. Ни мелкота, которая начала не по понятиям бороться, ни старшаки, которые отчего-то решили, что могли срубить бабло у пятиклашек.

Школа — его вотчина, что бы там ни считали учителя. Сами приняли его в десятый класс, сами виноваты, сами будут расплачиваться.

«У тебя светлая голова, Дима», — говорила ему классный руководитель. «Учись, не дури, прекращай прогуливать».

Десятый класс — это уже серьезно, это уже почти по-взрослому. И дурить Димка не собирался. Он никогда не дурил, а то, что учителя считали дуростью, в корне не совпадало с его точкой зрения.

Впрочем, ему действительно надоело устраивать разборки с одноклассниками, тем более драки на школьном дворе. Разобьет кому-нибудь нос, а потом родительница-истеричка напишет его мамке на телефон. Мамка на дыбы и ну орать: «пошел бы работать, пошел бы работать». Того гляди, документы заберет, а Дима планировал закончить учебу.

Ладно, так уж и быть, он как-нибудь потерпит, побудет на уроках пай-мальчиком. На каникулах рассчитается со всеми обидчиками.

Нет, его мамка — не быдло какое-то. Она нормальная, когда не орет и не гоняется за ним со шваброй. Ну, почти нормальная. Просто ей тяжело одной его тащить на зарплату уборщицы. На те копейки, что она получала, и одной-то не разгуляться, а тут взрослый сын. Само собой, ей хотелось финансовой помощи.

А отца у Димки не было. Он его даже не знал. Как-то спросил мамку, кто он, родительница ответила — заезжий профессор. Вот в кого у Соболева такие крутые мозги. Влегкую шарил в алгебре, геометрии. Вообще проблем с этими предметами не имел, хотя многие считали его неспособным к обучению в принципе. Парню будто с рождения это все в мозг вложили. Даже не прогуливал эти предметы почти никогда, нравилось.

Спасибо бате за интеллект, как говорится. Мать-то и девятого класса не окончила.

А все-таки не такой уж умный был этот профессор, раз бросил мамку беременной. Разве умные люди так поступают? Вот Димка бы свое чадо никогда не бросил, в лепешку бы расшибся, обеспечил, но не позволил расти безотцовщиной, познать нужду.

Хотелось найти этого профессоришку и плюнуть в рожу. Сказать, что у Димки без него все в жизни супер. И на ученого дебила в пиджаке и очках он никогда похожим не будет. Галстук-удавка не для него. Он — вольный орел, чуждый всяких там кабинетов. И работу найдет себе самую лучшую, главное, чтобы деньги платили. Очень уж их ему не хватало.

Поэтому решил в последние школьные годы постараться. Может быть, выгорит куда-то всунуться на бюджет. С образованием всяко проще пробиться в жизни.

Однако в любимом развлечении себе отказывать не собирался. Ему срочно требовалась новая подружка на поводок. Скучно без девчонки под боком.

Каждый год, начиная с седьмого класса, он выбирал себе новую пассию.

От девчонки не требовалось ничего особенного. Она должна была быть красивой, не затасканной, не целованной его друзьями. Должна ему нравиться, угождать, слушаться, ходить на свидания, когда ему удобно. Он будет выбирать, где ей сидеть, с кем дружить, как себя вести, что говорить.

Список того, что должна делать его девушка, у Димки был длинный. Аж тридцать пунктов. Все как один важные.

Однако в этом году новую милашку найти оказалось не так-то просто.

Хотелось свежей крови. Каких-то ярких эмоций, волнений. Одноклассницы давно приелись, а из параллельных классов никто не привлекал внимания. Все были либо попользованные друзьями, либо недостаточно красивые, либо он уже с ними тусил.

Где взяться свежей крови в маленьком городке.

И вдруг он заметил ее.

Шла по школьному двору немного встрепанная невысокая малышка. Ноги у нее супер. И грудь почти как у взрослой девушки. Ух! Димка аж залип, разглядывая, как слегка подпрыгивали в облегающей блузке мячики, пока девчонка шла к школе.

Пошел ей наперерез, всмотрелся в лицо.

Ништя-я-яцкое личико. Она напонила ему героиню из мультфильма: огромные глазницы, длинные ресницы и пышные косы по плечам. Еще этот прикид — белый верх, черный низ и белые же гольфы до середины икр.

Да, это определенно она — его новая жертва.

Можно было поздороваться, пообщаться. Но Димка так не любил. У него свой способ незабываемого знакомства.

Прошел мимо, толкнув малышку плечом.

Естественно, толкнул специально — чтобы точно его заметила.

— Ой... — взвизгнула она, потирая плечо и оглядываясь ему вслед. — Совсем уже...

Голос звонкий, окрашенный обидой. Понравился. И голос, и девушка.

Однако Димка прошел мимо, даже не обернувшись. Ничем не выказал интереса. Не извинился за то, что пихнул. Еще чего, вдруг заподозрит, что приглянулась ему, потом начнет колотить понты. Оно ему надо? Нет, все будет по его правилам.

Но как же повезло этой малышке. В этом году она будет девчонкой самого Соболя!

Глава 8. Первый школьный день

Анаит потеряла ушибленное плечо.

Из чего сделан тот парень, который чуть ее не сбил? Из камня, что ли? Похоже на то. По крайней мере рука у него точно каменная. И вроде бы никакой в нем выдающейся мышечной массы, а стукнул в плечо так, что, скорее всего, будет синяк. Кожа у нее больно нежная, ко всяким тычкам чувствительная.

Анаит шла к учительской и чуть не плакала.

Впрочем, вовсе не ушиб плеча так сильно ее расстроил.

До сих пор тряслись колени от того, что пережила в машине у Багиша. Неужели он и правда хотел ее поцеловать? Как парень целует девушку... Или ей показалось? Он же брат!

Показалось или не показалось? Точно сказать она не могла, ведь совершенно никакого опыта в любовных делах не имела. Больше того, даже ее подружки из прошлой школы вряд ли помогли бы советом. Все как одна были тихие, скромные, подобно Анаит.

А все же, кажется, хотел поцеловать. И потрогал за коленку, причем так, как брат сестру за коленку точно трогать не должен. Лучше бы он ее ушпикнул как в детстве, честное слово.

Или, может быть, смеялся над ней? Способ подшутить над нелюбимой сестрой?

Главное — отцу не пожалуешься.

Во-первых, он может решить, что Анаит все придумала. Во-вторых, с какими глазами она ему скажет, что Багиш к ней приставал? Это ж такой позор... А не скажет, значит, поощряет? Как же все сложно.

Кстати, возможно, это такой способ у Багиша выжить Анаит из дома. Или сама сбежит, или пожалуется отцу, а ее потом выгонят за «вранье». Такой у братца план? Она бы не удивилась.

После всего пережитого Анаит хотелось не в новый класс идти, а забиться в какой-нибудь уголок и просидеть там до совершеннолетия. Чтобы никто-никто не увидел и не обидел.

«Успокойся... все когда-нибудь проходит, и это тоже пройдет», — пыталась она приободрить себя.

Дурочка так радовалась, что отец ее забрал. Чуть ли не до потолка прыгала, когда за ней приехали.

Все на новом месте оказалось не так, как надо. И дело, к сожалению, не только в брате.

Анаит почти сразу поняла, что отцу она в тягость. Зачем забирал?

Чего только стоил их вчерашний поход за одеждой.

«Мне не надо!» — твердила Анаит чуть не плача, когда отец с каменным лицом просматривал ценники в магазине женской одежды.

Однако ее увещевания никак на родителя не действовали.

Он совал ей в руки новые вещи, при этом не забывал приговаривать: «Как же ты дорого мне обходишься! Дешевле отправить тебя в интернат».

Вот с такой веселой присказкой Анаит была одета к новому учебному году. Стала несчастливой обладательницей нескольких юбок и блузок, модной сумки и целой одной пары новых кожаных туфель. Самых первых в жизни, если не считать те, что были у нее в детстве. Раньше-то носила что попроще, а в основном донашивала за двоюродными сестрами.

Новые вещи стоили дорого, сидели на ней красиво, но радости никакой не принесли.

Анаит для себя решила — раз отцу с ней так тяжело, она очень постарается облегчить его груз. Будет помогать по дому и в огороде. Продолжит хорошо учиться, станет послушной и незаметной. Доучится как-то, дотерпит. А потом главное — поступить на бюджет и уехать подальше от всего этого. Может быть, если у нее все получится, отец ею даже станет гордиться. Ох, как приятно бы ей это было... Хоть на денек, хоть на часок походить у него в любимицах.

Вопреки ожиданиям классная руководительница у нее оказалась довольно милая.

Учитель алгебры и геометрии, Клара Мефодиевна, улыбнулась ей и засеменила в класс, позвав за собой. Маленькая худая женщина лет шестидесяти, она давно поседела, это было видно по корням волос. Но красилась в черный цвет, что добавляло ей важности.

Классное помещение Анаит тоже понравилось: просторное, светлое, с тремя рядами парт, покрашенных белой краской. Правда, тут было в два раза больше учеников, чем в ее старом классе, — около тридцати. И одним из них оказался пихнувший ее парень.

Одноклассники.

Как ни замечательно.

Впрочем, парень ее будто и не заметил.

Зато ее заметила улыбчивая Варя. Такая же невысокая, как Анаит, с рыжей копной волос и кучей веснушек, она воплощала собой лето. Одноклассница сидела в самом начале первого ряда.

— Я тоже новенькая, — Варя похлопала по свободному стулу за своей партой, когда Анаит проходила мимо. — Давай сидеть вместе?

К шестому уроку Анаит успела подружиться с Варей. А также узнала, что парня, который ее толкнул, звали Димка Соболев, и с ним лучше не связываться. Она, собственно, и не собиралась. Оно как-то само собой получалось снова и снова на него оглядываться.

Как назло, начиная со второго урока, Соболев устроился за партой сзади. От его близости ей жгло спину, а низ живота в буквальном смысле сводило судорогой. Хотя, судорога, возможно, возникла еще из-за голода, потому что отец не дал ей денег на завтрак, а дома за общим столом она почти ничего не съела.

Когда финальный звонок прозвенел, Анаит вздохнула с облегчением.

До завтра все.

Замешкалась, собирая сумку, не вышла из класса в первых рядах. Все воевала с плохо слушающимся замком, когда с задней парты послышалось:

— Сгинь, конопатая.

Анаит вздрогнула, думая, что обратились к ней, хотя никаких конопушек у нее не было. Однако тут же услышала, как Варя засопела от обиды. Новой подруги и след простыл. Впрочем, остальные ребята тоже поспешили бежать.

— Че вечером делаешь? — спросил Соболев в ту короткую минуту, когда они остались в классе одни. — Хочешь в кино? У меня есть билеты.

Предложение прозвучало настолько неожиданно, что все мысли разом смешались в кучу. Разъединялись очень медленно.

Зачем Дима ее пригласил? Правда хотел с ней погулять? Вау! Это было первое предложение подобного рода в ее адрес.

В кино Анаит хотела.

Еще бы! Учítывая, что ни разу там не была. Но как же она пойдет? Тем более с мальчиком. Это же неприлично.

Тут же услышала в голове голос отца, кричащего на нее: «Позор! У тебя одни гульки на уме! Недостойная дочь...»

— Извини, нет, — пискнула тихонько. — Дома много дел.

Очень не хотела обидеть Соболева отказом. Но, похоже, не обидеть не вышло.

Он сразу прищурился зло, процедил сквозь зубы:

— Че думаешь, если отец при бабле, можно носом крутить? Типа мажорка?

— Кто мажорка? — не поняла Анаит.

— Да я видел твой телефон, — хмыкнул он, брезгливо поведя носом. — Можешь его в сумке не прятать. Знаешь что? Мобила твоя — одни понты, а на деле старье. Это какой курицей надо быть, чтобы такой выбрать?

От его резкого тона и воспоминаний о том, как этот телефон вообще у нее появился, Анаит тут же покраснела. Почувствовала себя так, будто стояла перед Сободем голой, а он морщился от отвращения.

Так стыдно ей еще сроду не было.

— Какая тебе разница, какой у меня телефон? — только и смогла она из себя выдавить.

— Плевал я на твою мобилу и на тебя заодно. Ладно, бывай.

Так началась их война длиной в два года.

Глава 9. Черно-белая жизнь

Анаит наблюдала из окна, как Соболев пересекал школьный двор. Явно кого-то выискивал.

На улицу не выходила, пока хулиган не исчез из поля зрения. Проходить мимо этого типа за пределами школьного здания было опасно.

Проблема в том, что Соболев вечно ходил с друзьями. Не было ни единого раза, чтобы дал Анаит пройти спокойно. Вечно ей вслед неслись отвратительные шутки, а одноклассники потом долго ржали над своими же выдумками. Больше того, эти шутки потом разносились по всей школе.

Казалось бы, зачем обращать внимание на слова одного конкретного идиота и его прихвостней. Но он же их рифмовал! И они становились вирусными, только ленивый не повторял:

«У Анаит мозгов дефицит!»

«Анаит нервно юбку тербит, прячет под ней сплошной целлюлит!»

«Анаит только с дурами тусит, разговаривать не умеет, только мычит».

«От Анаит всех и каждого тошнит».

«У Анаит неизвестный паразит, держитесь подальше, а то заразит».

Раньше она понятия не имела, что на ее имя существовало так много рифм.

Хуже всего стало, когда все эти замечательные стихи положили на музыку и выложили на Ютуб. Она была уверена — проделки Соболева, хотя слова были начитаны не его голосом. Местные хулиганы потом буквально прохода ей не давали, врубая этот трек на телефонах и хохоча во все горло.

Правда, видео довольно быстро исчезло. А когда исчезло, Анаит подловил дома в прихожей брат, Багиш.

— Ани, крошка, если у тебя проблемы, обращайся. Я их все решу.

— Это ты помог убрать видео? — вдруг догадалась она.

— Конечно я, — улыбнулся Багиш. — Я же говорю, обращайся с любой проблемой...

Общался с ней, как всегда, ласково. Но как раз его ласковые слова вызывали одно лишь омерзение.

Чего только стоило предложение:

— Крошка, давай заведем свой маленький секрет? Как тебе идея?

Тогда Анаит еле удалось выкрутиться и сбежать от Багиша.

Ясно и понятно, что она никогда не осмелится ему пожаловаться. Или вообще остаться с ним наедине.

Так и жила — все время оглядываясь.

И главное — было бы в тех стихах хоть несколько слов правды, но нет. С учебой у нее ладилось, подруга Варя не прекратила с ней общаться, как Соболев ни старался. Учителя тоже любили Анаит за примерное поведение и прилежность в учебе. А вот вредному однокласснику за нее в школе частенько влетало. Может, за это и мстил? Других поводов она не видела.

Кое-как дождавшись исчезновения Соболева, Анаит со скоростью звука прошмыгнула через школьный двор и окольными путями пошла домой.

По дороге зашла в булочную, купить лавашей по просьбе домработницы. А когда вышла с пакетом в руке, вдруг увидела машину дяди Ваграма, друга отца. Понадеялась, успеет улизнуть так, чтобы тот ее не заметил. Но он будто поджидал ее, возник откуда-то сбоку.

— Привет, Анаит, ты сегодня цветешь и пахнешь!

Ее передернуло от его слащавого тона. Было в нем что-то откровенно мерзкое.

— Давай, подвезу тебя домой, — тут же стал он предлагать.

Ну нет, дудки, она лучше прогуляется пешком. Ей хватило прошлой поездки, после которой отец так сильно ее ругал за якобы жалобы. Вдруг дядя Ваграм опять нажалуется, что она как-то не так одета? Или придумает что-то еще.

Однако он подхватил ее под локоть и все же подвел к своему джипу.

— Вот и подарок тебе имеется, — заметил он, важно приглаживая короткую бороду. — Был в своей лавке на рынке, проверял товар, увидел эту сумку, сразу подумал, что такая красота подойдет для дочери моего друга.

Сумка оказалась большая, красивая. Явно натуральная черная замша манила погладить, такой казалась мягкой. Все в ридикюле было прекрасно кроме обилия золотистых стразов на передней поверхности. Такую сумку не в школу надо носить, а на вечеринку. На вечеринки Анаит не ходила, так что ей это сокровище совершенно без надобности.

— Извините, не могу принять такой дорогой подарок. К тому же у меня есть сумка. — Анаит продемонстрировала ему свою аккуратную коричневую любимицу. — Вот, видите? Мне ничего не нужно. А теперь прошу прощения, нужно бежать.

С этими словами она бросилась прочь.

Может быть, не очень вежливо, зато у него будет меньше поводов придрататься и перевернуть ее слова отцу. В прошлый раз он ведь явно переврал ее речь, она же ему не жаловалась, но нагоняй получила.

Дома ждала знакомая рутина.

Анаит помогала домработнице по хозяйству, готовила вместе с ней. Вечером скрылась в своей комнате, склонила голову над уроками. Тогда-то в ее комнату и ворвался отец.

Злющий, как черт, он с порога выкрикнул:

— Ты зачем меня позоришь, дрянь такая?

Она тут же начала соображать, чем же могла опозорить его сегодня.

Ее жизнь после переезда напоминала хождение по минному полю. Туда шагнешь — получишь звиздюлей, сюда шагнешь — достанется трендюлей и так далее и на ту же бедовую голову. Анаит теперь все время думала, как поступить правильнее, что сделать, чтобы избежать гнева окружающих ее мужчин. Но как бы ни старалась, сколько бы ни просчитывала свои поступки, все равно нарывалась на неприятности. Причем с завидной регулярностью!

«Но сегодня-то что?» — застонала она про себя.

А потом увидела в руках отца злосчастную замшевую сумку со стразами.

— Запомни хорошенько, дочь, если мой друг тебе что-то дарит, ты берешь! Все берешь и благодаришь! Это какое неуважение... Человек старше тебя снисходит до общения, а ты ему фигу. Как посмела?!

— Но папа, я была очень вежлива, не показывала ему никакую фигу... — тихо промямлила она.

Но умудрилась этим разозлить его еще больше.

Отец принялся плевать ядом и повторять любимые присказки:

— От тебя одни неприятности! Ума у тебя нет! Уважения к старшим нет! Чтобы носила эту сумку каждый день, и все дареное носила!

Вот тебе и новое правило этого дома. Сколько их было всего, Анаит и сосчитать не могла.

— Извини, папа, — тихо ответила она.

Это, пожалуй, единственное словосочетание, которое хоть сколь-нибудь могло усмирить родителя.

Однако отец не успокоился, продолжил кричать, пока Анаит не начала всхлипывать. Лишь увидев у нее на глазах первые капли слез, он ушел, хоть и продолжал пыхтеть.

Почему ей в отцы достался такой человек? Как его можно любить? А ведь обязана любить. И слушаться тоже обязана. И почитать. Но как же ей хотелось нежности, доброго к

себе отношения. Однако так и не поняла, как его заслужить. Казалось, все-все перепробовала, а родителю никак не угодить.

Иногда думала, если она вдруг исчезнет, это будет всем только на благо.

Очередной стук в дверь заставил Анаит вздрогнуть. Но очень скоро она выдохнула, увидев на пороге домработницу Карину.

— Я тебе какао принесла, — проговорила Карина, входя в ее спальню.

Поставила кружку на стол возле учебников, покачала седой головой.

Обе уселись на кровать. И вот Анаит уже плакала на ее крупном плече, грелась в объятиях абсолютно чужого человека.

Карина гладила ее по голове и приговаривала:

— За черной полосой всегда идет белая.

— Черная слишком длинная, — всхлипывала Анаит, утыкаясь в пропахшее кухней бордовое платье домработницы.

А та лишь философски подмечала:

— Значит, белая полоса будет еще длиннее.

Глава 10. Экскурсия в новую жизнь

Анаит очень ждала путешествия в Краснодар.

Уехать куда-нибудь из городка, посмотреть мир. Ну или хотя бы маленький кусочек этого мира.

Картинная галерея, Краеведческий музей, улица Красная — все это казалось ей жутко интересным, захватывающим. Классный руководитель, Клара Мифодиевна, обещала незабываемую поездку. И Анаит удалось упротить отца позволить ей поехать.

Послушалась Карину, попросила о поездке во время семейного ужина, на который был приглашен дядя Ваграм. Отец с елейной улыбкой согласился оплатить путешествие. Даже выдал ей немного денег на развлечения, чего раньше вообще никогда не случалось.

Теплым мартовским днем они всем классом отправились в Краснодар.

Но даже не достопримечательности были для Анаит самой важной целью. Главное — тайная экскурсия в Кубанский университет, куда она планировала поступать этим летом. Ведь скоро Анаит закончит одиннадцатый класс, нужно куда-то устраиваться.

Отец, конечно, зарубил идею на корню, отказался ее туда отвезти. Она до сих пор помнила его возмущенную речь: «Где ты и где университет? У тебя же мозги с горошину, Анаит. Забуди».

Она так и не понимала, отчего он считал ее круглой душой. Даже пятерки в дневнике не могли убедить его в обратном. Как бы ни старалась, сколько бы рефератов ни сделала, родитель твердил одно и то же — мозги с горошину.

Впрочем, той же ночью к ней пришла Карина и твердо сказала: «Пробуй, поступай! Поумнее прочих будешь! А поступишь, отец враз возгордится».

И она решилась.

Поговорила с классной руководительницей, и та отпустила ее на несколько часов, взяв обещание, что Анаит вернется на вокзал без опозданий и поедет домой с одноклассниками.

Она съездила в университет.

Только ступила ножкой на каменные ступеньки перед главным корпусом, и сразу влюбилась в это светлое место. Люди вокруг красивые, модные, главное — свободные. Само здание будто дышало наукой, обещало лучшую жизнь. Если Анаит поступит, сможет жить в общении неподалеку. А там-то никто не будет на нее кричать и ругаться. Она станет сама себе хозяйка, и как же это будет прекрасно! Ни одним даже самым веселым эмоджи не выразить.

Она взяла памятку для поступающих, узнала процедуру принятия на первый курс. Решила пробиваться на экономический, хотя конкурс там был по пять человек на место.

По дороге на вокзал, заскочила по просьбе Карины на Вишняковский рынок.

Домработница увещевала ее: «Там целых два ряда тканей. Возьми трикотажа разного, на какой упадет взгляд. Сошью нам с тобой на лето сарафаны. Здесь сроду нормальной ткани не купишь».

Нарисовала подробную карту, как добраться от университета до рынка, а потом на вокзал. Оказывается, Карина за свои пятьдесят лет успела пожить и в Краснодаре тоже, торговала на том рынке, куда отправляла Анаит. Соответственно все там знала.

Вооружившись картой, нарисованной на тетрадном листке, Анаит отправилась искать требуемое.

Нашла магазин, где трикотажа было столько, что разбегались глаза. И зеленый, и красный, и голубой. Хотелось того, этого и чего-нибудь с переподвыподвертом.

Сама не заметила, как истратила все деньги, которые дала домработница и выделил отец. Осталось точнехонько на трамвай до вокзала и пирожок. За целый день так набегалась, что

живот прилип к спине и урчал громче любого оркестра. Хорошо, билеты обратно были куплены заранее.

Выходила из рынка счастливая.

Счастье длилось ровно до того момента, пока не обнаружила две пренеприятнейшие вещи. Хотела написать Карине, похвалиться покупками. Достала телефон и с досадой констатировала — разряжен. А еще обнаружила, что пропал кошелек.

И враз прекрасный солнечный день превратился в пасмурный.

Природа будто посмеялась над ней — небо тут же заполонили тучи, и начал накрапывать мелкий холодный дождь.

— Матушка родная, как же быть... — шептала она себе под нос, пытаясь сообразить, где могла оставить кошелек.

Само по себе черное матерчатое портмоне ценности никакой не представляло. Наличности там тоже кот наплакал. Обидно, конечно, но не смертельно. Без пирожка могла обойтись, как-то дотерпеть до дома. И до вокзала чисто теоретически способна дойти пешком. Но в кошельке лежал билет на автобус! Сунула в отдел с наличкой, чтобы не помялся. Как же добраться до родного городка без билета? Кто возьмет ее зайцем?

У Анаит моментально вспотели руки, а по спине пробежал холодок.

«Вдруг где-то просто выронила...» — заскреблась в душе надежда.

Побежала искать. Может быть, забыла кошелек в одном из магазинов, где смотрела ткани.

Пока бегала, поняла — зря теряет время. Продавцы только фыркали на нее — не брали мы твой кошелек. Как будто она их обвиняла.

Анаит шла все дальше и дальше, стремясь обойти все места. Очень скоро поняла, что забрела на незнакомую территорию и заблудилась. Вишняковский рынок оказался настоящим лабиринтом, выйти из которого не так-то просто.

Вокруг было полно народу, но все оказались какими-то не приветливыми, спешили, бурчали на нее недовольно, когда она пыталась объяснить свою проблему.

Один мужчина оглядел ее ненавидящим взглядом и обозвал:

— Попрошайка! Не стыдно тебе? Здоровая деваха! Иди работай! Нечего клянчить!

А ведь она даже не просила денег, просто обронила, что потеряла кошелек. Хотела узнать, как добраться на вокзал путем покороचे, если не на трамвае.

Прохожий словом «попрошайка» будто в живот ее пихнул.

Анаит не раз слышала это обращение в свой адрес. Двоюродные сестры говорили о ней так после смерти бабушки.

«Долго с нами будет жить эта попрошайка?» — спрашивали у тети.

Это слово мигом разбередило так и не зажившую рану, оживило неприятные воспоминания. И Анаит побрела прочь. Не знала, куда шла, стесняясь обратиться к прохожим. Вдруг опять посчитают попрошайкой?

Семила куда глаза глядят и чувствовала себя крошечной букашкой, недостойной доброго слова.

В этот самый момент она увидела впереди троих одноклассников. Обрадовалась бы даже, будь это кто угодно, кроме Соболя и его приспешников. Но по иронии судьбы это были именно они.

Ни за что бы к ним не обратилась, но просить помощи больше не у кого.

Посмеются и пошлют подальше? Скорей всего, так и будет. Но она должна попробовать.

Глава 11. Вкус Анаит

При виде Анаит приятели Соболя в момент оживились. Аж на месте от нетерпения подпрыгивали, пока она шла к ним крохотными неуверенными шажками.

Да что там, самому Соболю тоже хотелось подпрыгнуть, но он сдержался. Не царское это дело — перед девчонками подпрыгивать. Ясно было, что у малышки что-то стряслось, иначе ни за что не решилась бы к нему подойти.

— Это кто к нам идет! А ну! А ну! Тебе че надо, Красопета Уродовна? — сказал Герка, и сам же рассмеялся тупой шутке.

Соболь только успел метнуть взгляд в своего прыщавого приятеля, как тут и второй приятель подключился.

Долговязый Антон-жлоб выпятил вперед шуплую грудь и завел шарманку:

— Тебе кто разрешал подходить, цаца?

Вот такие у него друзья, что поделаешь. Авторитет обязывает.

Соболь поначалу запыхтел, потом сумел придать лицу невозмутимости и процедил сквозь зубы не слишком громко, но так, чтобы приятели точно услышали:

— Скрылись.

— Че? — не понял прыщавый Герка.

Антон и вовсе принялся перечислять их дальнейшие планы:

— Соболь, ты че? Нам надо срочняками в обувные ряды, а потом...

И пока Антон говорил, Соболь заметил, как Анаит сделала шагок назад.

Отпугнули.

А все же ему было очень интересно, зачем она шла? Он должен выяснить, что случилось.

— Сказал, скрылись, — Соболь добавил голосу твердости. — До автобуса добираемся каждый сам.

Приятели переглянулись и правда скрылись, не сказав больше ни слова.

А Соболь с удовольствием обнаружил, что Анаит прекратила пятиться. Хотя было видно — дрожала при его приближении, как это обычно с ней случалось.

— Че носом хлюпаешь? — спросил он, подойдя.

И горемыка начала рассказывать про свои неприятности. Это ж надо умудриться положить билет на автобус в кошелек. Беспечная девица.

Соболь так и не понял, потеряла она его или украли, но сразу предложил:

— Пошли искать.

А потом в конец обнаглел, еще и за руку ее взял, а она... не отдернула кисть! Наоборот, вцепилась в него, как в нечто спасательное, и шла по пятам. О, что за удивительное чувство это было — ощущать Анаит рядом. Ни с чем не сравнимо.

Оно-то ему, конечно, триста лет не надо — бегать за чужими кошельками.

Соболь вообще-то сюда по делу приехал — искать новые кроссовки по хорошей цене. Хорошей — значит низкой, и лучше всего кожаные. А то купил тряпичные кеды в прошлом году и износил вхлам уже через пару месяцев.

Специально шабашил по максимуму перед поездкой в Краснодар. Думал прикупить себе что-то фирменное, чтобы завидовали.

Целых шесть компьютеров «вылечил», чтобы накопить достаточно на какой-никакой шопинг.

«Вылечить» — в его понимании значило переустановить крякнутую винду*, погонять вирусов, установить нужные и тоже непременно крякнутые программы.

С год назад помог классной руководительнице починить компьютер, с тех пор заработал славу компьютерного лекаря. А после того как научился подбирать новые ключи к антивирусникам, дело пошло еще лучше.

Практически организовал свой бизнес.

Качественный, совершенно нелегальный бизнес.

Деньги в основном отдавал маме — то ей за коммуналку заплатить надо, то еды купить, то еще что. Само собой, усовершенствовал домашний компьютер. Но вот на одежду вечно не хватало. Приходилось выкручиваться, и тут такой шанс — покопаться в обувных рядах на рынке.

Соболь определенно не стал бы тратить время на любую другую одноклассницу.

Но это ведь была Анаит!

Девчонка совершенно особенная. Например, она влегкую сможет заработать состояние на призывниках! Причем ей даже совершенно ничего не придется для этого делать. Всего-то пройтись взад-вперед, показать себя, и ребятам обеспечена тахикардия. Считай, схилили, откосили от армии.

Вот и Соболев также... Наслаждался всеми прелестями тахикардии, пока шел за ручку с самой недоступной девочкой в классе.

А кроссовки... Купит дома. Ну и что, что там дороже и фуфло.

Вдвоем они обошли почти два ряда, а потом Соболев отметил:

— Нам надо ехать, иначе опоздаем на автобус.

— Точно... — охнула Анаит. — Может быть, меня пустят без билета, ведь он выкуплен.

Ну потеряла, как-то объясню.

— Дельная мысль, мы ж всем классом едем. Пошли.

И он повел ее к выходу из рынка, который успел за последние пару часов неплохо изучить.

Бежали на трамвай со всех ног. Успели, сели, заплатили и... он сломался.

Потом бежали на вокзал, благо было не слишком далеко.

И тоже неудача. Приехали слишком поздно, автобус уже уехал.

Соболев даже понять не успел, как это случилось. Вот Анаит стояла абсолютно нормальная, хоть ее и потрясывало от напряжения. Отвернулся всего на секунду, а когда вновь всмотрелся в милое личико, по щекам катились крупные слезы. Как у девчонок это получалось? Секунда, и оп...

— Анаит, ну что ты? Ща, погоду, порешаем.

И он снова схватил ее за руку, повел за собой. Остановились у касс.

— Сейчас купим новый билет, я проверял, есть еще один рейс...

— У меня ведь нет денег! — перебила она его.

«Клевые кроссовки минус стоимость билетов на трамвай и автобус равно не очень клевые кроссовки», — мысленно подсчитал он со вздохом.

— Да не парься, Анаит, я куплю! — пожал он плечами.

— Правда? — захлопала влажными ресницами она.

Миндалины глаз увеличились в размере.

Соболев аж подвис от такого удивительного зрелища. Вроде бы и видел ее за полтора года всякую, а вот в таком искреннем горе и надежде ни разу. И до чего красивы в ней эти правдивые эмоции, что не налюбоваться ими никогда.

— Да, конечно, легко.

— Я тебе потом отдам, — закивала Анаит. — Только не сразу, ладно?

— Не парься вообще, — хмыкнул Соболев.

И, чувствуя себя на миллион долларов и ни центом меньше, пошел покупать билеты. Возвращаясь к своей потеряшке герою.

Соболев обернулся за пять минут.

— Все, купил билеты, успокойся.

— Ага, спасибо! — искренне произнесла Анаит.

Но ее в огромных карих глазах не слишком убавилось грусти и страха. Малышка по-прежнему продолжала теревить сумку.

— Что такое, Ани? — спросил он.

Впервые назвал ее так — Ани. Ее подруга так называла, когда думала, что их никто не слышит, но он подслушал. Очень понравилось это простое и в то же время непривычное языку сочетание звуков.

— Папа будет ругать, — наконец ответила она, громко всхлипнув.

Соболь увидел, как затряслась ее нижняя губа.

— Погодь, и это порешаем, — он снова выставил вперед ладонь. — Классухе напишу, она предупредит твоего отца. — Достал телефон и ужаснулся количеству пропущенных звонков от классного руководителя. — Походу, она и тебе и мне наябывала полчаса.

Зачем только поставил мобильный на беззвучный режим... Пока писал классному руководителю, Анаит вроде как немного повеселела. Но потом опять загрустила.

— Все равно будет ругать... — покачала головой.

«Что ж там за батяня такой?» — недоумевал Соболь.

Анаит ведь отличница, гулять вообще не ходила, с виду послушная, зачем ее кошмарить дома? Вот если бы была оторва, тогда да, повод весомый.

— Ты так боишься отца? Брось...

— Ты бы тоже боялся, окажись ты в берлоге с бешеным медведем, — ответила Анаит.

И... засмеялась.

Легонько так хихикнула. Даже будто сама этого звука постеснялась. Но успела этим самым звуком наполнить грудь Соболя радостью. Сколько же всего было спрятано в этой девушке? И как он всего этого не замечал?

— Медведь — это серьезно, — кивнул Соболь. — Но тут уж ничего поделать не могу. Ладно, приглашаю в кафе, пойдешь?

— В кафе? — удивилась Анаит. — Зачем?

— Нам два часа ждать, — пожал плечами Соболь. — Так-то холодает. Март все-таки, не июнь. Пойдем, угощу тебя кофе.

«Не очень клевые кроссовки минус стоимость двух капучино, а каким-нибудь фуфлом из пакетиков я ее поить не буду, так что... Может, вместо кроссовок лучше кеды? Дешевле же. Кожзам вполне ничего», — снова мысленно подсчитал наличность он.

— Я буду всего одну самую маленькую чашечку растворимого кофе и можно без сахара. И все, — заявила Анаит, когда зашли в первое приличное кафе, располагающееся неподалеку от вокзала.

Одноклассница немало удивила его своей скромностью.

Сидела перед ним с дорогой замшевой сумочкой, а внутри телефон почти за тридцатку, пусть и старой модели. И в драных кедах он ее на физкультуре никогда не видел. А вот те на — подайте ей самую дешевую бурду без сахара, она с удовольствием ею подавится. Да у нее живот урчал громче, чем в кафе играла музыка.

Впрочем, Соболь не какой-то там нищелюб, чтобы опозорить себя и повестись на такие разговоры.

— Не, Ани, — покачал он головой. — Здесь такое не подают.

А потом подозвал официантку, заказал два больших фраппучино, бургеры с говядиной и пирожные. А кеды... Да кому они нужны эти кеды из кожзама?

Два часа пролетели как один миг.

Ани после еды сделалась какая-то абсолютно счастливая, без конца улыбалась Соболю, благодарила. А он плыл на облаке под названием «абсолютное счастье», рассказывал ей смеш-

ные истории, спрашивал, где успела побывать. Так узнал про жизнь с бабушкой и причину переезда в его родной городок. Очень проникся.

— Это паршиво — терять близких, — сказал ей, пожав плечами.

Потом следовали еще два счастливых часа поездки домой.

Уже мысленно представляя, как бросит завтра Алку, с которой тусил в последние несколько месяцев, Соболев предложил проводить Ани домой.

Однако, как только они приехали в родной городок, девчонку будто подменили.

— Мне надо бежать, — безапелляционно заявила она.

Ее будто даже затрясло от нервов.

— Хорошо, я тебя провожу, — кивнул Соболев.

— Провожать не надо, — покачала головой она.

— Ани, уже темно, — пожал он плечами. — Одну не отпущу, это без вариантов.

— Тогда до самого дома не провожай, ладно? До поворота на мою улицу, — сдалась она.

— Побежали!

Снова эти двое взялись за руки и снова поспешили вперед.

Соболев выполнил свое обещание. Остановился на повороте у ее улицы.

— Спасибо тебе за все, — тихо прошептала Ани. — Ты очень выручил! Мне надо бежать, прости...

— Сейчас побежишь, — пожал он плечами.

Сам не понял, как на такое решился, но на пару секунд привлек ее к себе, прикоснулся губами к губам, быстро сунул язык ей в рот, чтобы попробовать вкус. Не стал дожидаться, когда Ани начнет вырываться. Отстранился сам.

— О-о... — простонала она.

Ни слова больше не сказала и убежала.

А он еще долго стоял на том же месте, вспоминал сладкий вкус ее губ.

Вот оно, оказывается, как бывает, когда по любви. А в том, что он в нее втрескался по уши, Соболев уже год как не сомневался.

*Крякнутая винда — взломанная программа Виндоуз.

Глава 12. Тяжелые санки

Анаит уходила от Соболя на дрожащих ногах.

Вроде надо было спешить, бежать, а она передвигалась по двору как улитка. Мышцы дрожали, как будто она целый день помогала копать картошку или таскала с рынка продукты. Слабость наполнила каждую клеточку ее тела. И вызвана она была отнюдь не страхом, а томлением. Воспоминанием подаренной ласки, такой неожиданной и приятной.

Ей бы речь для отца репетировать, к тумакам готовиться, а Анаит закатывала глаза после только что пережитого.

Губам до сих пор было вкусно.

И непонятно — как же может быть так вкусно от того, что твои губы облизал чужой человек? Ведь Соболев ей абсолютно чужой! Больше того, старый враг. А как сладко целовался, что Анаит, наверное, еще с полчасца повторяла бы эти языковые эксперименты.

Говорят, первый поцелуй самый запоминающийся. Но она надеялась, может быть, второй и третий будут такими же? Если будут.

«Матушка родная, пусть мне будет суждено узнать!» — взывала она к давно почившей родительнице.

В дом зашла как в тумане.

Уже в прихожей услышала ор отца:

— Немедленно иди сюда, дрянь такая...

Э, нет, она не дрянь. Будь она дрянью, разве стал бы Соболев угощать ее такими сладкими пирожными? Или помогать?

Наверное, впервые на крики отца в ее голове нашелся какой-то антидот, и от этого стало неожиданно приятно.

Анаит зашла в гостиную и застала родителя сидящим на диване. Он откинулся на спинку, широко расставил ноги, разложил руки в разные стороны. При этом буравил непутевую дочь таким злобным взглядом, что поневоле захотелось сбежать обратно в Краснодар. А лучше к Соболеву.

— Звонит мне твоя классная и что говорит? — начал он резко. — Анаит уехала в университет и не вернулась... Какой-токой университет тебе? Я же сразу сказал — мозги у тебя с горошину!

А вот эту информацию Анаит совсем не была готова выдавать отцу. Если так и не убедит его разрешить поступать, то сбежит поступать без его помощи. Ко времени окончания школы она уже будет восемнадцатилетняя, вполне самостоятельная.

Решилась на ложь:

— Папа, все не так! Просто Карина попросила купить ткани, рассказала про рынок, и ты денег дал, вот я поехала туда. А классной сказала про университет, чтобы отпустила. Ведь просто так не стала бы пускать. А там у меня украли кошелек и...

— Доказательства где? — отец выкрикнул это так, будто ни секунды не сомневался в том, что она лжет.

Но Анаит подошла к дивану, протянула родителю пакет, в котором действительно лежало несколько отрезков весьма приличного трикотажа.

Отец взял, засунул нос в покупки, поцокал языком и вернул кулек Анаит.

— Карина! — заорал так, что дочь вздрогнула.

Из кухни тут же показалась испуганная домработница. Видно, подслушивала у двери, как обычно это делала.

— Виновата, Ашот Аветович, — заломила руки она. — Кто ж знал, что случится такое несчастье с кошельком...

В эту самую минуту родитель начал багроветь.

— Ну вы обе как с цепи сорвались, ей-богу! — Потом он повернулся к Анаит и начал орать с повышенным энтузиазмом: — Ты понимаешь, что ты всех на уши поставила? Я Багиша в Краснодар за тобой отправил! В полицию позвонил! Даже дядя Ваграм и тот подключился к поискам! Сколько нервов ты нам стоила! А ей все нипочем, тряпочки к груди прижимает...

Только тут Анаит поняла, что действительно прижимала к груди пакет.

— А ну как тебя бы изнасиловал кто? Или похитил? Ты понимаешь, что ночь на дворе, а ты где-то там...

Странное дело, обычно она им поперек горла, а тут на тебе, распереживались.

Наверное, отец еще долго на нее орал бы, да только тут в дверях показался дядя Ваграм и на выдохе прогремел:

— Слава богу, нашлась!

Выглядел гость при этом странно — волосы на голове всклокочены, даже борода враспырку.

Подбежал, осмотрел Анаит со всех сторон.

— В порядке? Что с ней случилось? — обратился к отцу.

Тот шустро подскочил с дивана, засуетился, принялся объяснять другу ситуацию. Удивительно, но озвучил именно версию Анаит про ткань, а не то, что сказала классная руководительница.

— Платьев хотела... — Дядя Ваграм отчего-то выдохнул с облегчением. — Так это нормально... Это запросто. Этот недогляд легко устраним, правда, Ашот?

Отец икнул, а Анаит внутренне вздрогнула.

— Я все, уже не хочу платьев, — тихонько всхлипнула.

Испугалась, что родитель опять начнет орать о том, как дорого она ему обходится.

Однако ни отец, ни дядя Ваграм больше никак не прокомментировали ее потребности в одежде.

— Карина, отведи Анаит на кухню, накорми, а потом пусть идет спать, — наконец командовал отец.

Следующим утром Анаит даже не заметила, с каким недовольным видом ее провожали взглядом отец и брат.

Шла в школу с особенным томлением в груди. Что-то ее там ждало? Как теперь смотреть в глаза Соболю? И нужно ли вообще в эти глаза смотреть?

После вчерашнего поцелуя губы до сих пор оставались чувствительными. Разве такое бывает? А желание повторить поцелуй росло в груди.

Поцеловаться с самим Сободем.

Ужас какой, а? Это ж С-О-Б-О-Л-Ь! Враг номер один, причем старинный. Не он ли столько раз заставлял ее плакать ночами в подушку? Изводил ее и в школе, и по дороге домой.

«Фу...» — мысленно фыкнула она.

Самой стало неловко за собственные мысли и желания.

Ну да, если совсем честно, он с самого начала ей немножечко нравился. Красивый парень, хоть и подлый. Но это разве причина позволять ему... впрочем, она ничего пока позволять и не собиралась. А на первый поцелуй он разрешения не спросил. Вдруг это он так — поцеловал ее шутки ради.

Кстати, такое вполне в стиле Соболя. Возьмет и посмеется, еще и на всю школу ославит, придумает новый мерзкий стих. Ему будто бы делать больше нечего, кроме как искать рифмы к ее имени.

Слава богу, доказать он ничего не сможет, ведь вчера их никто не видел.

Или она слишком плохо о нем подумала? Может быть, это начало чего-то нового в их отношениях? Чего-то сладкого-сладкого... Хотя разве отец позволит ей встречаться с русским парнем? Да он раньше засунет ее в мешок, напихает туда кошек, завяжет веревкой потуже и кинет в реку. Она и спросить разрешения не осмелится.

Анаит постаралась выкинуть Соболя из головы.

Кстати, еще надо не забыть извиниться перед классной руководительницей, ведь ей наверняка пришлось вчера много чего выслушать от отца. Но алгебра шла лишь третьим уроком, а до этого русский язык и физкультура.

На первом уроке Соболев так и не появился. Сорок минут прошли спокойно. А на перемене перед физкультурой к Анаит пристала любимая и единственная подружка Варя.

— Хочешь жирную сплетню? — ее аж распирало от желания поделиться. — Соболев бросил Аллу!

«Точно! У него же еще и девушка есть! — вспомнила Анаит. — Или... была?»

Алла слыла у них в классе главной примадонной. Высокая блондинка с шикарными грудью и невероятно стройными ногами, она выгодно отличалась от одноклассниц. Прекрасно осознавала силу своей красоты и давно научилась ею пользоваться. Вот уже два месяца гордо именвала себя единственной девушкой Соболева. Что ж, недолго музыка играла. Впрочем, у этого парня всегда так.

Варя увлекла Анаит к окну в коридоре, прижалась к ее уху и продолжила свой увлекательный рассказ:

— Девчонки написали, она сейчас сидит в раздевалке, сопли на кулак наматывает. Прикинь, она его вчера к себе позвала, ну типа шуры-муры, а он сказал: «Прощай, бейба, ты меня недостойна...»

— Прямо так и сказал? — охнула Анаит.

Не вязалась такая речь со вчерашним Соболевым. Уважительным и обходительным.

— Ну, может, и не так, — хихикнула Варя. — Но наподобие.

— Пойдем переодеваться, — вздохнула Анаит. — А то опоздаем. Опять физрук будет стыдить.

И они пошли в раздевалку. Ну и что, что там кто-то плачет. Переодеться-то все равно можно.

Однако, Анаит очень скоро пожалела, что вообще пошла на физкультуру.

Поначалу скромно устроилась с Варей в противоположном углу от Аллы, окруженной сочувствующими одноклассницами. Но примадонна вдруг выставила вперед руку и ткнула пальцем прямо в Анаит, когда та успела скинуть платье, а вот натянуть форму еще не умудрилась. Так и стояла в одном нижнем белье с майкой в руках.

— Соболев бросил меня из-за этой курицы! — заверещала Алла. — Что он в ней нашел? Ни кожи ни рожи, страшно... Девчонки, она теперь для нас враг!

Анаит так и хотелось стукнуть себя ладонью по лбу.

«Целовалась с Соболевым? Целовалась! — потешалась над ней ее же собственная совесть. — А поговорку помнишь? Любишь кататься, люби и саночки возить».

Это, конечно, да. Но...

За что же ей такие тяжелые санки?

Глава 13. Укротительница стаи

Анаит стояла в углу раздевалки в одном нижнем белье и ежилась под злыми взглядами одноклассниц.

А те плевались ядом кто во что горазд:

— Да, ты права, Алла, там же смотреть не на что, — смеялась одна совершенно плоскогрудая девушка.

— Ни кожи ни рожи, а все туда же... — вторила ей другая, чье лицо было сплошь усыпано угрями.

— Наглая такая, на чужого парня прыгать! — возмущалась третья.

Последнее высказывание резануло Анаит больше всего. Она же не прыгала ни на кого!

И вдруг одноклассницы поднялись все как одна, словно пошли в наступление. Даже как будто скалиться начали, или это разыгралось ее воображение? Отчего-то показалось — сейчас ринутся вперед и раздерут Анаит когтями и зубами. Навалятся всей толпой и мокрого места от нее не оставят.

Эти могли!

Не люди, свора собак.

Другая бы на ее месте уже сжалась в комок и принялась рыдать в голос.

Но...

Была у Анаит в жизни одна история с собаками.

Ей тогда только-только исполнилось тринадцать. Решила она сократить путь и пошла через проходной двор, где были два двухэтажных многоквартирных дома. Не очень любила там ходить, но в тот день ноги сами понесли. Шла, думала о своем, жевала пирожок. И вот, запихивая в рот последний хрустящий кусочек, не заметила, как ее окружили пять бродячих собак. Потрепанные в драках, худые и явно голодные. Каждая ей практически по пояс, а то и выше. Встали вокруг на расстоянии пары метров, будто поджидая, и начали рычать все одновременно. Их желтые клыки казались огромными, с них обильно капала слюна.

Середина дня, жилое место, а на улице никого. Ни ребенка, ни взрослого. Некому ни разогнать стаю, ни позвать на помощь.

Анаит тогда так испугалась, что съеденный кусок встал в желудке колом. Сама не заметила, как завизжала от ужаса.

Одна из шавок, что посмелее, вдруг рванула к ней сзади и укусила за правую половину попки. Цапнула от всей души, прорывая клыками ткань юбки, и отбежала, когда испуганная девочка стукнула ее портфелем по спине.

То ли от страха, то ли от всплеска адреналина в ту секунду несчастная не почувствовала боли. Только ужас.

Наверное, если бы в тот момент Анаит не удержалась на ногах и упала на землю, шавки навалились бы на нее всем скопом и здорово погрызли, если не хуже. Но она устояла. Вспомнила бабушкин завет: собакам нельзя показывать страх, от них нельзя бежать — сразу бросаться.

И вместо визга ужаса она вдруг закричала абсолютно взрослым голосом, наличия которого у себя даже не подозревала до той поры:

— Пошли вон! Вон, я сказала!

Для убедительности топнула ногой что есть силы. Подняла рюкзак на манер оружия.

Наверное, со стороны это смотрелось комично.

Маленькая худая девочка с рюкзаком наперевес против пяти здоровых собак.

Но это сработало. Собаки прижали уши, отступили дальше, хоть и не убежали, следили за ней.

Анаит пошла вперед. Медленно, продолжая держать рюкзак наизготовку, прошла мимо. Пересекла опасный участок, завернула за угол и только тогда бросилась бежать домой со всех ног. Никогда так быстро не бегала.

С тех пор собаки ее не пугали.

Вспомнив старый урок, Анаит прекратила трястись, выпрямилась.

Алла же посчитала ее движение вызовом. Вышла вперед и зашипела как змея:

— Ты не в курсе, что с чужими парнями не тусят? Или тебе волосы выдрать надо, чтобы запомнила? Соболю мой!

Анаит, конечно, не хотела драки, но не испугалась.

Она молча надела майку, которую так и продолжала держать в руке. Потом натянула шорты и развернулась к стоявшей перед ней Алле.

— Я Соболю глазки не строила, ты зря меня обвиняешь. Если он тебе так нужен, забирай.

— Белую и пушистую из себя не строй! Ты вечно такая тихая, типа скромная. Но Антон и Герка сказали, что Соболю вчера с тобой в Краснодаре исчез, потом на автобус оба опоздали. Мне два плюс два сложить несложно! Сучка ты!

— За языком следи, — процедила Анаит, имитируя строгий голос отца. — Плохо у тебя с математикой, раз два плюс два не так сложила. У нас ничего нет! А если надумаешь ко мне придираться, то знай, что я плохая мишень, с отдачей.

— Ты мне угрожаешь?! — в запале спросила Алла.

Анаит не знала, чем закончилось бы дело, но вдруг в раздевалке раздался стук, и зычный голос физрука без труда пробился сквозь картонную дверь:

— Девочки, вы выходить думаете? Звонок давно прозвенел!

Глава 14. Герой любовник

Сегодня Соболев появился к третьему уроку.

Подждал малыша Ани уже в классе. Сидел за партой позади и искал взглядом взгляд, когда она подходила к своему месту. Ждал какого-то приветствия. Не поцелуя, конечно. Кивка или, может быть, улыбки, поворота головы в его сторону.

Однако Анаит прошла к своему месту так невозмутимо, словно и не было между ней и Соболевым вчера ничего такого.

Так она обычно делала — садилась за парту с невозмутимой физиономией, делала вид, что Соболев в классе нет. Раньше его это не слишком обижало. Но не после вчерашнего! Вчера же между ними пробежало то самое. Искра! Вот... он ее почувствовал, был уверен, что и милая Ани тоже.

«Стесняется», — тут же решил он про себя.

Еще бы! Ведь поцелуй получился незапланированным и каким-то слишком торопливым. Ему понравилось и запомнилось, а вот Ани... Может быть, не распробовала? Он даст ей возможность сделать это сегодня же.

Как только Ани устроилась на своем месте, он наклонился чуть вперед и проговорил ей почти на ухо:

— Привет, малышка.

— Привет, — тихо шепнула она, резко к нему повернувшись.

А потом начался урок.

Клара Мифодиевна записала на доске число, тему.

Однако одного слова Ани Соболеву хватило, чтобы мозги отключились напрочь, хотя алгебру он искренне любил.

От воспоминаний о вчерашнем дне расплылся лужей. До чего же приятно было сидеть рядом с Ани, любоваться ее спиной и фантазировать на тему, куда он ее сегодня поцелует. А он поцелует!

Кое-как дождался конца урока, подловил Ани на выходе, когда другие ученики уже успели покинуть класс.

— Раз вы двое еще здесь, — классная руководительница смерила обоих строим взглядом, — вымойте доску, да получше! А я в столовую.

— Конечно, Клара Мифодиевна, — ответили оба.

Ани сходила в туалет вымыть тряпки, а когда вернулась, они действительно стали вместе тереть доску. Соболев сверху, она внизу. Такой вот незамысловатый ансамбль.

Он млел от того, что они что-то делали вместе, пусть и такую глупость. А она... Хотел бы он узнать, что творилось в ее чудесной голове.

Когда закончили дело, Ани собралась идти, но Соболев ее остановил. Спросил просто, без экивоков:

— Сходим в кино? Дубль два, так сказать.

— В кино? — удивилась она, а потом затараторила тихим мягким голоском: — Дима, спасибо тебе большое, что ты меня поддержал, правда. Ты очень помог. Считаю, спас...

Он аж заслушался, так ему была приятна ее благодарность. Но на вопрос она так и не ответила.

— Так в кино пойдем? — спросил он с усмешкой.

И нарвался на прямой ответ.

— Нет, прости. — Ани тяжело вздохнула. — Дима, мне папа никогда не разрешит встречаться с мальчиком. Тем более с таким, как ты...

— А что со мной не так? — тут же оскорбился он.

В голове сразу защелкали винтики-шпунтики.

«Это из-за того, что я типа нищий, что ли? — тут же передернуло его от неприятного озарения. — Так я не вечно буду сопливым школьником, еще заработаю...»

Но Анаит сказала другое:

— У тебя фамилия Соболев, а не Соболян.

Он мысленно хлопнул себя по лбу: «Ну конечно, она же армянка». Но они не в средне-вековье, чтобы обращать внимание на то, какая у кого фамилия. Теперь другое время, и люди создают союзы вне зависимости от национальности.

— Ты всегда делаешь, как тебе велит отец? — спросил он строго.

Анаит замялась, посмотрела на него исподлобья.

— Если хочу нормально жить, то да, делаю все, что велит. Но у нас бы в любом случае ничего не вышло... — она пожала плечами.

— Это почему? — сузил он глаза.

— Чудес не бывает. Да и потом, я не такая, как твоя Алла...

«Что, черт ее подери, это должно значить?» — задался он вопросом.

— Слушай, если тебя смущает, что я тусил с Аллой, так я все, — сразу признался он. — Дал ей от ворот поворот...

— Лучше бы ты этого не делал... — покачала она головой.

Посмотрела на него как-то совсем непонятно, даже вроде бы обида во взгляде скользнула.

А потом развернулась и ушла.

Взяла и ушла! Вот так просто.

Соболь вздохнул, глядя ей вслед, плюхнулся на первую же попавшуюся парту, уронил голову на руки и попытался понять смысл бытия.

Смысл бытия ускользал.

Это что же получалось? Он из-за этой паршивки лишился кроссовок, девушки, получил звиздюлей от классной руководительницы и кучу смешков от приятелей-дебилов. А Анаит гордо ушла.

Нет ничего более наказуемого, чем доброе дело.

А все равно он поступил бы так же, дайте только шанс. Хотелось раз пятьдесят прожить вчерашний день.

Глава 15. Мужские обиды №1

Почувствовав резкий тычок в спину, Анаит повернулась к Соболю:

— Чего тебе надо?

— Мне? От тебя?! Ничего... — буркнул он тихо, но ядовито.

Причем намеренно выделил это «от тебя», будто Анаит превратилась в какую-то чумную девицу, с которой даже разговаривать зазорно.

Анаит грустно всмотрелась в его напряженное лицо, сжатые в нитку губы. Тихо вздохнула. Успела помечтать, как бы ей хотелось увидеть вместо злости его улыбку.

И вдруг ей от него прилетело:

— Че пялишься, быстро отвернулась!

Резкие слова резанули глупое сердце.

Анаит отвернулась, уткнулась обратно в учебник по литературе и попыталась вслушаться в речь учителя. Но ничего-то не получилось. Обида грызла душу.

«Он же сам ткнул меня в спину!» — все повторяла она про себя.

Или показалось? Хотя как такое могло показаться? Был тычок, еще какой болезненный. Соболев явно использовал линейку или что-то такое.

Впрочем, тычок в спину и пара грубых фраз были далеко не худшим испытанием, через какое ей пришлось пройти в последние несколько недель. Постоянные подколки, новая порция обидных стихов с ее именем и так далее и по тому же месту.

Однако что бы Соболев ни творил, Анаит больше не могла относиться к нему с прежней ненавистью, пренебрежением. После того дня в Краснодаре она смотрела на своего обидчика другими глазами.

Сердце твердило: он хороший, самый лучший, просто ведет себя как бука. И ничем это глупое сердце оказалось не разубедить. Оно тянулось к нему, хотело ласки и внимания, хотя в ответ получало лишь тычки.

Но хуже всего было то, что Соболев вернулся к Алле.

Анаит поехала, вспоминая, как столкнулась с этой парочкой вчера в столовой. Чуть целый стакан чая на себя не вылила, чудом не обварилась. А эти двое посмотрели на нее так, будто она не человек, а таракан. Мелкий, рыжий, противный.

Теперь Соболев с Аллой везде ходили под ручку: в школу, из школы, даже в библиотеку, где наверняка целовались вместо того, чтобы книжки читать. Одноклассница ежедневно бросала на Анаит победные взгляды, а Дима... Ничего, кроме злобы, она в его взгляде не видела. И не приведи господи ей появиться у них на пути, тут же нарывалась на какое-нибудь острое слово.

Однажды Анаит даже попыталась поговорить с одноклассником наедине.

Спросила Соболева, почему он ведет себя так с ней, чем она вызвала такое отношение. Ведь он мог быть нормальным, она убедилась.

Но вместо конструктивного разговора одноклассник зашипел на нее: «Думала, я за тобой буду бегать? Так вот новости — Соболев ни за кем не бежит. Никогда! Усекла?»

О, она много чего усекла за эти недели.

Первое — больше никогда не позволит Диме Соболеву себя целовать.

Второе — вообще в принципе никогда не заговорит с Димой Соболевым ласково. Вот пусть попробует к ней обратиться с какой-нибудь просьбой, она его мигом отчихвостит. Наверное...

Третье — Дима Соболев ей триста лет в обед не сдался ни под каким соусом вообще никогда. Вот даже если бы сегодня подошел с предложением встретиться, она бы снова ему отказала. Очень вероятно...

Четвертое — у Димы Соболева обалденная улыбка. Не комплимент — факт.

Мужчины — очень странный народ. Жаль, для девочек в школе не было предмета под названием «Мужчины. Типы поведения и способы взаимодействия». Такая наука в жизни пригодится явно больше какого-то ОБЖ.

Глава 16. Мужские обиды №2

— Стой, Анаит, не спеши, — вдруг услышала она за спиной голос дяди Ваграма.

Несмотря на теплый апрельский день, по спине побежали мурашки. Такие, какие бывают, когда смотришь фильм ужасов или встречаешь здорового паука.

Дядя Ваграм — ее личная бабайка.

Как ни встретит его, так обязательно наживет себе неприятностей. И неважно, насколько мила и любезна она с ним будет. Этот жук все равно на нее пожалуется отцу, а тот всыплет по первое число. Уже два года так было.

Вот же талант у человека! Только подошел, а на ясное солнышко уже набежала туча. Как у него это получалось?

— Здравствуйте, дядя Ваграм. — Анаит выдавила из себя улыбку.

— Куда идешь? — Он подошел к ней как ни в чем не бывало.

Учитывая, что у нее в руке пакет с хлебом, а столкнулись они возле дома, то и без слов понятно куда. Однако друг отца любил такие очевидные вопросы.

— Карина послала за хлебом, — Анаит пожалала плечами.

Другу отца ответ почему-то очень понравился.

Он выставил вперед грудь, на которой чуть не лопалась белая рубашка, и принялся разглагольствовать:

— Как же повезло Ашоту с такой дочкой, как ты. Помощница на все случаи жизни, к тому же ладная, красивая... Верю, в жизни тебя ждет большое счастье! Выйдешь замуж, муж будет на руках носить. Платья разные покупать, драгоценностями осыпать. Ты же любишь платья, правда, Анаит?

Он красноречиво осмотрел ее голубое платье до колен и такого же цвета ботильоны на небольшом каблуке.

— Вижу тебя каждый день в новом, — цокал он языком. — Глаз радуется, такая красивая дочь у Ашота.

По идее, ничего плохого не сказал (да и что плохого может быть в комплименте?), но Анаит все равно передернуло.

Сто миллионов раз пожалела о том дне, когда потеряла кошелек и из-за этого нажила себе столько неприятностей. После того случая не было в доме отца ей спокойной жизни, и все из-за проклятых платьев.

Отец накупил ей нарядов двадцать, не меньше. К каждому новому образу — обувь, несколько сумочек. Выбирал очень тщательно. У Анаит даже сложилось ощущение, что он делал это не по своей воле, а будто бы следовал инструкции. Чьей-то очень детальной и проработанной инструкции. Причем из всех нарядов ни одного по более-менее божеской цене — только дорожные. А сколько нервов ей за это потом вымотал... Словами не описать.

После того безумного шопинга ей не хотелось даже прикасаться к платьям, столько гадостей пришлось выслушать за каждый наряд, о котором она не просила. Некоторое время они висели нетронутые в шкафу, но отец велел — носи. Мол, дочь Ашота Марияна всегда должна прилично выглядеть, и никаких ей сарафанов из трикотажа, который купила в Краснодаре, только все самое лучшее.

Анаит очень старалась выглядеть как можно лучше, чтобы радовать глаз родителя, но что бы ни надела, только бесила его еще больше.

Комплимент дяди Ваграма пришелся не к месту, впрочем как всегда.

Однако Ваграм не заметил неловкой паузы, начал беседовать с Анаит на отвлеченные темы.

— А ты знаешь, что означает мое имя? — вдруг выдал он. — Ваграм — стремительный тигр! И я всю жизнь его оправдывал. Верить мне? Если вижу что-то, что мне нравится, сразу бросаюсь на это как настоящий хищник... А по-другому никак!

Друг отца продолжал болтать, и Анаит привычно отключилась, хотя продолжала кивать в такт словам. Гадала, зачем ей эта информация и какого ответа от нее ждали? Ну тигр ты, дальше что?

Может быть, дяде Ваграму просто скучно? Дефицит общения? Так отец дома. Пошел бы к нему и рассказывал про свои подвиги сколько душе угодно, ей-то эта информация абсолютно ни к чему.

— Почему ты не слушаешь? — вдруг насупился друг отца. — Ты никогда не слушаешь, что я тебе говорю!

— Что вы, я слушаю! — У Анаит от его обвинения аж в животе похолодело.

Но дядя Ваграм не стал выслушивать оправданий, уже расстроился, с ним это часто случалось. Пробурчал короткое прощание и пошел своей дорогой.

Анаит же лишь горестно вздохнула. Стопроцентно пожалуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.